

Гараж:

АВТОбиография
семьи

18+

НАТАЛИЯ
БЕЛОУСОВА

АЛЕКСАНДР
ШИРВИНДТ

МИХАИЛ
ШИРВИНДТ

БОМБОРА

**Михаил Александрович Ширвиндт
Наталия Николаевна Белоусова
Александр Анатольевич Ширвиндт
Гараж. Автобиография семьи
Серия «Кино в лицах. Биографии
звезд российского кино и театра»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71396872

Гараж. Автобиография семьи:

ISBN 978-5-04-215613-7

Аннотация

«Что наша жизнь? Езда! Мы ездим после роддома в коляске, довольно быстро пересаживаемся на велосипед, далее – ролики, самокаты, скутеры, наконец – вожденный автомобиль. Всё это перемежается трамваями, электричками, поездками, каретами с тройками, каретами скорой помощи, каталками... И заканчивается катафалком.

Когда мы задумывали эту книгу, то, конечно, не предполагали, что в ходе её написания подъедет катафалк. Мы начали её втроем, а завершили вдвоем. Ту часть, которая готовилась с участием папы, мы оставили такой, какой она и планировалась. Вторая часть посвящена ему».

Погрузитесь в мир, где автомобили являются не просто средством передвижения, а настоящими героями множества приключений, дружбы и воспоминаний семьи Ширвиндт. Вместе с Александром Анатольевичем, его женой Наталией Белоусовой и сыном Михаилом вы отправитесь в увлекательное путешествие по дорогам прошлого, где каждый поворот наполнен эмоциями и историями.

Также в книге вы найдете:

- отрывки из других книг Александра Ширвиндта;
- множество фотографий и писем из семейного архива;
- адаптированные для печати фрагменты выпусков «Гараж» youtube-канала Михаила Ширвиндта;
- воспоминания друзей и коллег об Александре Анатольевиче;
- и, конечно, его неповторимый юмор!

Доброй дороги!

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
Гаражи и гаражане	8
В гараже	9
«И на газету уже пошли яйца»	9
«Коляски без детей – это наследственное»	16
«Сам за рулём кобылы»	29
Выезд из гаража	36
«С разбитыми фарой и носом»	36
В гараже	44
«Ну, Марьиванны, что будем делать?»	44
Выезд из гаража	50
«Я – ржавая бочка, в которой что-то крутится»	50
В гараже	56
«Ужас биографии»	56
«На сына мы орали от безысходности»	68
Выезд из гаража	71
«Набери побольше дыма и скажи “аптека”»	71
В гараже	79
«Ширванг, отъездился!»	79
«С экрана пахло настоящим»	97
Конец ознакомительного фрагмента.	104

**Александр
Анатольевич Ширвиндт
Гараж.
Автобиография семьи**

© М. Ширвиндт, текст, фото, 2024

© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», текст,
2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Предисловие

«Я тоже с вами надрался»

Михаил Ширвиндт

Что наша жизнь? Езда! Мы ездим после роддома в коляске, довольно быстро пересаживаемся на велосипед, далее – ролики, самокаты, скутеры, наконец – вожденный автомобиль. Всё это перемежается трамваями, электричками, поездами, каретами с тройками, каретами скорой помощи, каталками... И заканчивается катафалком.

Когда мы задумывали эту книгу, то, конечно, не предполагали, что в ходе её написания подъедет катафалк. Мы начали её втроём, а завершили вдвоём. Ту часть, которая готовилась с участием папы, мы оставили такой, какой она и планировалась. Вторая часть посвящена ему.

Для моего YouTube-канала «Съедобное – Несъедобное» я снимал выпуски под названием «Гараж», где мы с папой и несколькими нашими товарищами встречали Новый год. Секрет популярности этих посиделок не только в узнаваемости персонажей, но и в достоверности: гараж настоящий, закуски из «Пятёрочки», хреновуха и гости свои, проверенные. В общем, сидели, как сидели бы и без камер: шутили, ели, пили, произносили тосты. Это и подкупало, особенно на фоне не меняющейся десятилетиями телевизионной но-

вогодней эйфории в перьях. Зрители писали в комментариях, что они по несколько раз встречали с нами Новый год – чокались и выпивали: «Мужики, я тоже с вами надрался!» Это ли не успех? Это ли не высшее признание? Отрывки из выпусков YouTube-«Гаражей» мы приводим в книжке, но вы можете найти и посмотреть видео целиком.

Для этой книжки в условном гараже решили собраться и мы с папой и мамой. Да, и с мамой. Хотя посиделки в гаражах – чисто мужское увлечение, шестидесятилетний стаж вождения автомобиля моей мамы позволяет ей с полным правом к нам присоединиться.

Транспортная тема остро стояла во всех семи папиных книгах, да и в моей – «Мемуары двоечника». Автомобили, автоприключения и автодружба оказались важной частью нашей жизни. Некоторыми эпизодами этого бездорожья мы хотим с вами поделиться.

Гаражи и гаражане

В гараже

«И на газету уже пошли яйца»

Александр Ширвиндт: Сколько бы я старчески ни говорил «а помните, а помните», никто ничего не помнит. Только вздыхают: «Не трогайте, парень в маразме, ему скоро 90. Но когда-то он был симпатичный и даже смешной». Так вот. А помните, был фильм «Гараж»? Для меня в нём написали роль. Элик Рязанов узнал, что в Голливуде кто-то из монстров собрал команду и сказал: «Месяц я буду снимать кино. Хотите участвовать, тогда с 5 апреля по 5 мая никуда не выходим из павильона». Это же было условием и Рязанова. А я выпускал спектакль в Театре сатиры. И «Гараж» для меня накрылся, что жаль. Роль сыграл Валентин Гафт. Зато теперь я не вылезаю из «Гаража», который снимает Миша.

Михаил Ширвиндт: Раньше зайдёшь, бывало, в гараж, а там на нескольких капотах – огурчики, колбаска... Усталые владельцы машин, вернувшись с работы, сидели и трепались: рассказывали байки и анекдоты. Это было настолько уютно и вкусно, что я, будучи ребёнком, дико завидовал. Думал: вырасту – обязательно буду делать так же.

Видеорегистратор
YouTube-«Гараж-2019»

Александр Ширвиндт: Это святая святых – гараж. Абсолютно достоверное предновогоднее счастье. Натуральный продукт. Это водка?

Михаил Ширвиндт: Хреновуха, я её сам делал.

А.Ш.: Сырки «Дружба», шпроты, чёрный хлебушек и крутое яйцо. 31 декабря в районе одиннадцати вечера мужики собирались здесь. Ты отколупываешь скорлупу и, к примеру, говоришь: «Слушай, вчера у меня жиклёрчик холостого хода засорился».

М.Ш.: В карбюраторе?

А.Ш.: Да, я на «Победе» ездил. А в это время разливают хреновуху, открывают шпроты и, конечно, плавленый сырок «Дружба». Я до сих пор, какие бы устрицы ни давали, считаю, что ничего лучше плавленого сырка быть не может. На, возьми, на хлебушек положи.

М.Ш.: Подожди, я расскажу про хреновуху. У нас программа «Съедобное – Несъедобное».

А.Ш.: Тут всё съедобное.

М.Ш.: Пока ты шелушишь яйцо, рассказываю рецепт.

А.Ш.: Я быстро шелушу, говори быстрее.

М.Ш.: Берёте водку или разбавляете спирт, кладёте туда хрен – почистили, и можно соломкой построгать. На глазок. Я добавляю ещё острый перец, чеснок, укроп. Всё, что есть в доме пикантное и пряное, можете туда побросать. И на пол-литра – чайную ложку мёда, чтобы адсорбировать...

А.Ш.: ...дёготь.

М.Ш.: Две недели стоит, и получается вот это чудо, которое мы сейчас будем пить. Кстати, Илье Шпизу, снимающему нас, я однажды набуравил канистру такой хрени. Вообще, надо две недели настаивать, но он положил летом в багажник машины эту канистру и неделю ездил с ней по жаре. Она так настоялась! Это ноу-хау.

А.Ш.: Настаивайте «на багажнике».

*«Гараж-2019», YouTube-канал «Съедобное – Несъедобное»,
дата выхода: 30 декабря 2018*

М.Ш.: В Москве исчезли дворы. На их месте возникли парковки, и детям негде гулять. А двор дома моих родителей на Котельнической набережной никогда не будет уничтожен, потому что это не просто двор. Площадка с холмами, деревьями, скамейками и песочницами – это крыша одного из самых знаменитых в Москве гаражей.

Наталия Белоусова: Наш дом стоит на склоне горы у Москвы-реки, и крыша гаража находится на уровне следующей улицы, параллельной набережной. Гараж огромный, на сто машин. Но при этом всё-таки желающие попасть в него образовывали очередь. А самое лучшее место досталось, естественно, одному из авторов проекта нашего дома Дмитрию Чечулину. И вот не стало Дмитрия Николаевича...

А.Ш.: Эту историю я много раз рассказывал, но, поскольку, как было сказано выше, всё равно никто ничего не помнит...

Из бардачка Александра Ширвиндта

Мест в гараже было раз в тридцать-сорок меньше, чем желающих туда на чём-нибудь въехать. Поэтому при дирекции существовала гаражная комиссия. Учитывая контингент жильцов, можно себе представить её состав. Когда я пошёл на комиссию впервые, то подумал, что оказался на заседании Генерального штаба. Чином ниже адмирала никого, по моему, там не было, или мне тогда с перепугу так показалось. Очередники тоже были не с улицы, и, естественно, мне не светило ничего и никогда, хотя я честно числился в списках жаждущих парковки многие годы. Жаждал парковки и Евтушенко.

Мы родились с Женей рядом, он 18 июля, я 19-го, матери наши служили в Московской филармонии и сидели в редакторском отделе друг против друга, дружили и завещали это нам с Женей. Попытки дружбы были: у меня есть несколько Жениных книг с лихими перспективными надписями, и однажды был произведён эксперимент совместного празднования дня рождения. В списках на возможность въезда в гараж наши кандидатуры стояли тоже почти рядом, но разница в весовых категориях была столь велика, а вероятность освобождения места в гараже столь ничтожна, что мне оставалось только вздыхать. Директор высотки Подкидов, очевидно, вконец замученный великим населением своего дома, проникся ко мне теплотой, и я с благодарностью вспоминаю его ко мне отношение. Подкидов и прошептал мне однажды, что умер

архитектор академик Чечулин, один из авторов нашего дома, родственники продали машину, и неожиданно внепланово освободилось место в гараже и что вопрос стоит обо мне и Евтушенко. Я понимающе вздохнул, и мы с Подкидовым выпили с горя.

В этот критический момент появляется очень мощное по тем временам стихотворение Евтушенко «Тараканы в высотном доме». Тараканов в нашем доме действительно были сонмища – вывести их, как известно, практически невозможно, можно только на время насторожить, и Женино стихотворение потрясло своей бестактностью руководство дома и, конечно же, патриотически настроенную гаражную комиссию. Сколько ни разъяснял им бедный Евгений Александрович, что это аллегория, что высотный дом – это не дом, а страна, что тараканы – не тараканы, а двуногие паразиты, мешающие нам чисто жить в высотном здании нашей Родины, всё было тщетно: гаражная комиссия обиделась на Евтушенко, и я въехал в гараж. Вот как надо быть осторожным с левизной, если хочешь при этом парковаться.

Александр Ширвиндт, «Склероз, рассеянный по жизни» («КоЛибри», «Азбука-Аттикус», 2014)

М.Ш.: Мы добились места в этом гараже, стоящем прямо напротив нашего подъезда. Соседними были машины Людмилы Зыкиной и Клары Лучко. Я об этой истории тоже писал.

Из бардачка Михаила Ширвиндта

Вот так, одержав победу в тараканьих бегах, мой папа триумфально въехал в гараж на своей 21-й «Волге». Въехал и поселился! Оказалось, что там, в вечно прохладном сыром полумраке, пахнущем бензином, маслом и другими крепкими напитками, собиралось общество. Академики, генералы, артисты, спортсмены, автомеханики, мясники и прочая интеллигенция по вечерам сервировали капот чьей-нибудь машины, разложив на газете лучок, колбаску, консервы (оттуда, видимо, у моего папы патологическая любовь к шпротам), и неспешно, иногда до ночи, обсуждали способы ремонта текущей прокладки тормозного суппорта при помощи презерватива или обострившийся конфликт с красными кхмерами в Кампучии. Шпроты и прочая снедь покупались тут же, в знаменитом гастрономе. Он был огромный, мраморный и с длинными очередями. Но при наличии гаражных связей любой деликатес выносился через чёрный ход.

Михаил Ширвиндт, «Мемуары двоечника» (Издательство «Э», 2018)

М.Ш.: Капоты современных машин уже не те, на них уже яйца не положишь.

А.Ш.: Чьи яйца не положишь?

М.Ш.: Любые. Соскользнут.

А.Ш.: Надо уметь класть яйца на капот, тогда они не соскользнут.

М.Ш.: На 21-ю «Волгу» вы же клали яйца?

А.Ш.: Клали. Расстилается газета. Она антискользящая. И

на газету уже пошли яйца. Вся жизнь была в гараже. Когда на улице жарко, в нём прохладно. В нашем гараже, в самом конце, была мойка, а рядом с ней – маленькая мастерская, где мы пили, ели, чистили карбюраторы, выстукивали колодки. Мы всё делали своими руками.

М.Ш.: Папа приезжал из театра. Ребёнок ждал, когда папа придёт домой, а папа выстукивал колодки до двух часов ночи. И после этих выстукиваний приходил очень несвежий. А мальчик от страха, что он теряет отца, плакал.

А.Ш.: Ничего он не плакал. Какал – это я помню.

Видеорегиcтpатор

YouTube-«Гараж-2020»

Александр Ширвиндт: Вот эти «Бычки в томате» – изжога начинается, уже когда открываешь банку.

Леонид Ярмольник: «Бычки в томатном соусе» – любимые консервы в мои студенческие годы.

Михаил Ширвиндт: «Килька в томате» ещё была.

Л.Я.: Нет, бычки – самые крутые. Они стоили, если я не ошибаюсь, 33 копейки. Лет десять назад я пошёл на приём к руководству канала «Россия» и увидел в буфете банку «Бычков в томате». Я купил тут же и, пока ждал приёма, съел всю банку с чёрным хлебом. Шесть дней я помнил об этой встрече на российском канале. Изжога абсолютная.

А.Ш.: Но какая!

М.Ш.: Дорогой папа, я тебе сделал бутерброд. В любой рюмочной тогда были такие: килька с яйцом на

кусочке чёрного хлеба.

А.Ш.: Молодёжь! Вы ничего не знаете! «В любой рюмочной...» Показываю. Нож есть? Порция была – крошечный кусочек. 50 грамм – и вот это на заглот.

*«Гараж-2020», YouTube-канал «Съедобное – Несъедобное»,
дата выхода: 31 декабря 2019*

Н.Б.: Мой автомобиль, появившийся много позже Шурино, стоял не в гараже, а перед входом в высотную часть нашего дома – на стоянке под открытым небом. В будочке сидел охранник, который поднимал шлагбаум, пропуская во двор машины жильцов. Своему сменщику он всегда говорил: «Чисти как следует от снега место № 14. Наташенька иногда приезжает в туфельках». А звали этого охранника Феликс Дзержинский. Он был внуком Железного Феликса и жил в нашем доме. Теперь места в нашем гараже надо покупать. Шура купил. Его машина там и живёт.

«Коляски без детей – это наследственное»

М.Ш.: Все книги, вышедшие у папы и у меня, все передачи, снятые нами, созданы благодаря маме, которая вспоминает быть, а мы эту быть за ней записываем. Так что реальный автор всех произведений – моя мама.

Н.Б.: Насколько я создатель передач и книжек, не знаю, но то, что я создатель Миши, это точно.

А.Ш.: Она создатель книжек, она создатель Миши. А я опять ни при чём.

М.Ш.: Раз уж заговорили о моём появлении на свет, давайте тему передвижений на колёсах начнём с коляски. Расскажите историю фотографии, где вы умильно склонились над детской коляской. Этот трогательный снимок в папиных мемуарах иллюстрирует появление долгожданного ребёнка. В книге «Былое без дум» он подписан: «У меня родился сын!»

Н.Б.: В 1956 году я приехала в Киев провести будущего мужа – Шура снимался там в картине «Она вас любит». Мы гуляли в парке, увидели пустую коляску, и кто-то сфотографировал, как мы к ней подошли.

А.Ш.: Коляска была не пустой, в ней лежала бутылка водки. Дело в том, что алкоголь запрещали проносить на съёмки. Тогда мы у какого-то аборигена одолжили коляску, положили в неё пол-литра и повезли к себе в гримёрную палатку, чтобы прекрасно посидеть. Для достоверности позвали Наталью Николаевну.

М.Ш.: Теперь понятно умиление, с которым папа смотрит на содержимое коляски. Там не ребёнок, родившийся че-

рез два года после этих событий, а пол-литра.

Н.Б.: У нас в семье коляски без детей – это, видимо, наследственное. Моя бабушка, Алевтина Михайловна Севастьянова, столбовая дворянка, стала революционеркой и участвовала в организации побега из заключения какого-то соратника. Она гуляла у стен тюрьмы с детской коляской, где вместо ребёнка лежала одежда, в которую он должен был переодеться. Не знаю, удалось ли покинуть тюрьму этому революционеру, но бабушка в ней оказалась – её поймали и посадили.

Портрет Алевтины Михайловны висит у нас на стене. Правда, не в прежней рамке. Одно время в нашем дачном поселке НИЛ («Наука. Искусство. Литература») орудовал вор. Охраны тогда не было, а зимой практически никто не жил. Нормальный вор разбил бы стекло и спокойно влез бы в дом, а этот был аккуратным: снимал штапики с оконных рам, стёкла же ставил на землю, чтобы хозяева потом могли вернуть их на место. Брал он только произведения искусства, поэтому мы прозвали его Антиквар. Портрет бабушки висел в красивой овальной деревянной рамке. Вор вынул фотографию, положил её на мою кровать, а рамку унёс. Еще он коллекционировал краны от самоваров. У нас украл два. Антиквара поймали, изъяли наворованное и велели пострадавшим приходить в милицию за своим добром. Все пошли, но заявления писать отказались. Я тоже пришла в милицию. Рамки от портрета я не нашла, а кранов там лежала целая

куча – как определить, какие наши? Я не думала, что в милицию ходят со своим самоваром.

– Забирайте все! – сказали мне.

И я взяла. Потом целое лето к нам приходили дачники с самоварами подбирать к ним носики (многие оставались поужинать). И все равно с десятков не разобрали.

М.Ш.: От этой маминой бабушки, моей прабабушки, я получил один из главных уроков своей жизни. Когда крестьяне её родового воронежского имения подавали ей малину, она снимала очки и с удовольствием ела только что сорванные с куста ягоды. Останься она в очках, наверняка обнаружила бы какие-нибудь червоточинки, а то и самих червячков. И радость уже не та, когда ты полностью сконцентрирован на поиске изъянов. Всю жизнь я руководствуюсь этим принципом и, чуть что, «снимаю очки».

Н.Б.: А твоё рождение связано с другой ягодой. В августе 1958 года в Молдавии шли съёмки фильма «Атаман Кодр» с участием Шуры, а параллельно в Челябинске – гастроль Театра имени Ленинского комсомола, где он работал, и ему приходилось всё время летать. Я, на девятом месяце, ездила в Москве в аэропорт, когда у него была пересадка, чтобы хоть час побыть с ним. И вот как-то приезжаю, а Шура привез из Молдавии большой ящик черешни, которую я очень люблю. Мы сидели, ели, ему уже улетать, а в ящике еще много ягод и я не могу его поднять. Но не оставлять же его там! И я с животом, как этот ящик, просидела целый день одна в аэропорту, чтобы доест черешню. А через неделю родился ты. Так что ты наполовину состоял из черешни.

М.Ш.: Вы мне вот что скажите: ведь многие известные

люди родились в Москве в роддоме имени Грауэрмана...

А.Ш.: Да, Булат Окуджава, Андрей Миронов, Михаил Державин, Марк Захаров, я... Роддом стоял рядом с рестораном «Прага». Мы выбирали. Чтобы родиться и сразу отметить.

М.Ш.: Мама тоже там родилась. А почему я родился не в козырном роддоме, а где-то на выселках?

А.Ш.: Тебя как раз повезли в какой-то элитный.

М.Ш.: Ничего подобного. Меня еле с дачи довели.

А.Ш.: Нет, ты родился в роддоме, где были новейшие средства. Вот тебе и результат.

М.Ш.: А я слышал версию, что в тот момент, когда я должен был родиться, роддом Грауэрмана закрыли на профилактику.

Н.Б.: Не на профилактику, а, как это тогда называли, на «помыв». Все роддома на две недели закрывают на санитарно-гигиеническую обработку. Когда Миша родился, Шура отправил моей подруге в Ленинград открытку со словами: «У Наташи вчера родился сын – чёрный и маленький, весит 3200, а как его зовут, ещё неизвестно».

М.Ш.: А вы ведь хотели девочку.

А.Ш.: Но сейчас же можно сделать из мужика бабу.

М.Ш.: Я не до такой степени готов идти вам навстречу...

Н.Б.: В 1958 году, когда Ван Клиберн в Москве победил на Международном конкурсе имени Чайковского, мне Шурина мама достала контрамарку в консерваторию на заклю-

чительный концерт. Зал был набит битком, люди стояли в проходах. Мне досталось место на ступенечке на самом вер-ху. Миша сидел у меня в животе.

М.Ш.: Я слушал Клиберна?

Н.Б.: Да, ты был уже на подходе.

А.Ш.: Очевидно, ступенечка была настолько низкой, что Миша совершенно не увлекается фортепьянной музыкой.

М.Ш.: Я даже абсолютно лишён музыкального слуха.

А.Ш.: А вообще у нас архимузыкальная семья. Мой папа, дедушка Миши, был замечательный скрипач, я...

М.Ш.: Я поставил бы точку на дедушке.

А.Ш.: Я тоже замечательный скрипач. По поводу замеча-тельных музыкантов. Сейчас эталон афористичности – Ра-невская. Она действительно была выдающейся дамой. Но не одна она. Немало людей тоже мыслили афористично и были очень остроумными. Например, Леонид Утёсов. Когда по-явился Эстрадный оркестр Эдди Рознера и вышел набриоли-ненный красавец с усиками в белом пиджаке, все обалдели: как это вдруг в Советском Союзе такое допустили? Будучи в гостях у Утёсова, я услышал от него:

– Эдди – это воплощение артистичности, замечательный музыкант.

– Говорят, он вторая труба мира, а первая кто? – спросил я.

– Ну, первых огромное количество!

Н.Б.: Когда Миша родился, нас поздравляли не только

друзья и коллеги. Три поклонницы Шуры (ещё с театрального училища) пришли к нам и принесли в подарок цветы и серебряные рюмочки. У меня со многими Шуриными поклонницами были хорошие отношения. Мы перезванивались, муж приглашал их на спектакли. Всю жизнь после каждого спектакля Шура привозил полную машину букетов. Я считала: не страшны женщины, которые дарят цветы, страшны те, которым дарят.

А.Ш.: У меня была поклонница – дама с огромной рыжей халой. Она всегда сидела в первом ряду по центру. Мы с Олей Аросевой играли в спектакле о становлении колхозов в Прибалтике. Она прошептала мне: «Твоя на месте». В этом спектакле мы пели куплеты, и, когда оттанцевали и убежали за кулисы, поклонница одна нам аплодировала. Оля сказала: «Шквал». Дама всегда приходила с огромным букетом и мне его вручала. Хотя на этот спектакль никто цветов не приносил.

– Не берите эти букеты, – посоветовал мне как-то один артист.

– Почему? – удивился я.

– Они с кладбища.

Она собирала их на могилах.

Н.Б.: Миша, ты всюду рассказываешь, что для тебя Родина – не вся Россия с берёзками, а наша дача. Тебя на неё привезли, когда тебе было 10 дней, и вот прошло уже столько лет, а ты до сих пор с родителями на той же террасе, за

тем же столом, на котором тебя, голенького, пеленали.

М.Ш.: Как только послушал Клиберна, практически сразу приехал на дачу.

А.Ш.: И стал слушать другого пианиста – Святослава Рихтера, который жил тут напротив.

Н.Б.: Как-то у нас на даче прохудилось любимое всеми кресло. Шура пошёл искать, чем бы его можно было привести в порядок. И где-то на помойке у дачи Рихтера обнаружил выброшенную кровать на пружинах. Он отвинтил пружины, принёс, всё сделал, и это кресло до сих пор стоит на веранде с пружинами из рихтеровской кровати.

М.Ш.: При сидении и вставании они звучат как Рахманинов.

А.Ш.: Я в поселке НИЛ пришлый. Я в нём всего-то 73 года.

Н.Б.: А я, как Миша, с рождения. Это дача моего деда, главного архитектора Москвы Владимира Семёнова. Здесь мы с Шурой и познакомились.

Из бардачка Александра Ширвиндта

Когда я стал серьёзно ухаживать за своей будущей женой, а режиссёр Михаил Рапопорт за своей – Марией (Миррой) Кнушевицкой, мы в выходные ездили с дачи встречать их на станцию на автомобиле «Москвич-401». И поскольку он обычно сам не желал подавать бензин в двигатель, придумали особое устройство. Называлось – «карбюратор падающего потока». Мишка садился за руль, а я справа, и в

протянутой в открытое окно руке держал ведро с бензином. В него был опущен шланг от клизмы, который был проведён в карбюратор. Так и ехали до самой станции.

Александр Ширвиндт, «Склероз, рассеянный по жизни»

Н.Б.: К вопросу о музыке. В одно дождливое лето, когда нашему Мише было шесть лет, а Андрюше, сыну Кнушевицкой и Рапопорта, четыре года, мы в отпуске томились на даче. Делать нечего, дети ноют. У нас был патефон, и мы почему-то, видимо под настроение, постоянно ставили пластинку с песней «Шаланды, полные кефали».

– Если поставите в десятый раз, – пригрозил Миша Рапопорт, – разобью.

Кто-то всё-таки не удержался, и Миша разбил пластинку на мелкие кусочки.

А.Ш.: Чтобы Мишка больше ничего на даче не разбивал, мы старались куда-нибудь уехать. В 21-й «Волге» был диван. Когда его откидывали, машина превращалась в спальню шестизвёздочного отеля. Мы ездили по молодости с Рапопортом и Кнушевицкой и спали ночью на трассе вшестером – четверо взрослых и двое детей.

М.Ш.: У меня другие воспоминания об этом диване.

Из бардачка Михаила Ширвиндта

Мы поехали отдыхать с семьёй Рапопортов. Эта семья, как и мои родители, – продукт дачного романа. Только, в отличие от моего пришлого

папы, они самые что ни на есть НИЛЬские аборигены. Их дачи стояли напротив друг друга. Михаил Рапопорт, театральный режиссёр, был сыном Иосифа Матвеевича Рапопорта, знаменитого актёра, режиссёра, педагога. Мирра Кнушевицкая, актриса Театра имени Моссовета, – дочка оперной певицы Наталии Дмитриевны Шпиллер и виолончелиста Святослава Николаевича Кнушевицкого. Естественно, что такая духовная и территориальная близость не могла не породить моего товарища Андрея Рапопорта – известного актёра театра и кино.

Ехать было решено на машине, но папина «Победа» совсем рассыпалась. Тогда все стали клянуть автомобиль у Наталии Дмитриевны Шпиллер. У неё как у народной артистки РСФСР, лауреата трёх (!) Сталинских премий была личная «Волга». Наталия Дмитриевна сказала, что машину не даст, потому что она третий год просит перенести пианино в соседнюю комнату и никто даже не пошевелил пальцем. Тогда Миша и папа схватили пианино и мгновенно перетащили его куда надо, потом вернулись, подняли кресло вместе с Наталией Дмитриевной и отнесли их тоже. Так появилась эта треклятая машина!

Почему треклятая? Представьте себе: лето, жара, кондиционеры ещё не изобретены, ехать 1000 километров на Украину в Черкассы, и самое главное – вшестером! Но кто ж поинтересуется мнением двух малышей шести и четырёх лет? Поехали! Душная машина мне надоела довольно быстро,

редкие мимолётные остановки у кустиков надолго не развлекали, и тогда я придумал. У Андрея, как и у всех детей, был свой лексикон: быстрая придорожная остановка или остановка «до вітру» (на украинской территории) называлась «пи-пи», стоянка более продолжительная, в хорошем лесочке, называлась «гром». И я начал это эксплуатировать. Примерно раз в сорок минут я щипал Андрея и грозно шептал ему на ухо: «Гром!» Через десять секунд послушный мальчик объявлял «гром» в буквальном смысле громогласно. Автомобиль останавливался, Андрей шёл за куст, а я получал 15 минут воздуха. На третий раз взрослые заподозрили неладное и во время стоянки вчетвером пошли за куст смотреть, как проходит «гром». Сколько бедный Андрюша ни тужился, но был разоблачён и закинут вместе со мной в духоту.

Второй ужасный момент – это спать вшестером в одной машине! До сих пор не понимаю, как мы там уместились, только помню, что у Андрея был какой-то жуткий деревянный монстр-буратино Петя, с которым он не расставался ни на секунду, даже во сне. И вот все под моё ворчание невообразимым образом умялись друг в друга, замерли. Наступила наконец тишина, как вдруг я гневно вскричал, подытоживая весь кошмар: «И ещё этот ваш Петя!!!» Потом долго «этот ваш Петя» цитировался взрослыми в критических ситуациях.

Михаил Ширвиндт, «Мемуары двоечника»

Н.Б.: Сейчас на нашей даче бегают уже правнуки. Когда

правнучке Элле, дочке нашего внука Андрюши, было три с половиной года, она меня спросила:

– Почему ты такая старая?

– Давно родилась, – говорю.

– А почему?

– Мне надо было родить тебе дедушку.

Дедушка – Миша – сидел рядом. Элла задумалась.

– А тебе тяжело было его носить?

– Да нет, он тогда был маленький.

Элла, показывая на нашу собаку, спрашивает:

– А Микки тоже у тебя в животе сидел?

Я подумала: по-моему, она считает меня сукой.

«Сам за рулём кобылы»

М.Ш.: За годы, что я делал свои телевизионные программы, мне пришлось передвигаться самыми разными способами. Это были самолёты, вертолёты, поезда, автомобили разного рода (джип-сафари с переворотами и гонки на выживание, в которых я тоже несколько раз перекувырнулся), яхты и катера, различные вариации рикш, все виды велосипедов, лыжи (равнинные, горные и даже для езды по песку). Я погружался под воду с батискафом и летал на парашюте за лодкой. Я ездил на лошадях, верблюдах, ездовых собаках, северных оленях, слонах и перемещался, если это можно так назвать, на дельфинах, держась за плавники.

А.Ш.: Это всё – семечки. В эвакуации, в Чердыни, я, семилетний, возил бочку с водой. К речке был страшный спуск. С возницей – инвалидом, не взятым на войну, – мы ведром черпали из проруби ледяную воду, заливали её в огромную обледенелую бочку с квадратной дыркой сверху и закрывали отверстие деревянной крышкой. Мне давали вожжи, и я сам, за рулём этой кобылы, таранил бочку наверх, в Чердынь.

Вспомнил анекдот. Старая кляча ввозит во двор подводу с дровами. Молодой возница орет: «Эй, я дрова привёз!» Кляча оборачивается: «Он, б..., привёз!»

В архиве Чердынского музея хранится мой ответ на письмо сотрудников, отправленный в 1987 году.

Из бардачка Александра Ширвиндта

«Уважаемые сотрудники музея далёкого городка моей не менее далёкой детской жизни!

Я очень тронут вашим письмом, взволнован вырезкой из чердынской газеты... Что касается существа ваших вопросов, то, конечно, всё, что связано с этим периодом моей жизни, окутано дымкой... Ведь мне было 7 лет от роду. Образ города всплывает: наш дом (двухэтажный и уютный), рядом – угловой дом и большой общий двор с сараями и конюшней, а дальше – поле. Бочка водовозная (как мне теперь мерещится, обледенелая даже летом) и старый (моего, наверное, теперешнего возраста) возница, который всякий раз приходил к моим родителям перед

очередным «рейсом» и говорил: «Без Ляксандра не поеду». Мы дружили!

Помню скользкий и, по детским ощущениям, безумно долгий и крутой спуск к реке. Помню счастье держания вожжей, помню школу и первый класс, помню ласку и доброту людей, приютивших выводок детей, и т. д.».

Страничка во «ВКонтакте» Чердынского краеведческого музея имени А. С. Пушкина

А.Ш.: В детстве я обожал лошадей и тогда ещё не знал, что это кончится ипподромом, ставками и кошмаром безденежья. Ипподром был единственным в Советском Союзе местом с тотализатором. Закрыть не могли, потому что курировал бега Семён Михайлович Будённый.

– Что это такое? – говорили ему. – Капитализм? Империализм?

– Нет, – отвечал он, – это рысисто-конные испытания.

Я не был на бегах уже тысячу лет. Последний раз, когда был (пригласили ещё оставшиеся старики-наездники), сел, и кто-то из молодых подошёл, спрашивает:

– На что будете ставить? Давайте мы вам поможем.

– Милый, – говорю, – сколько тебе лет?

– Тридцать два.

– За 20 лет до того, как тебя заделывали, я уже здесь проиграл всё, чем должен был кормить ребёнка.

М.Ш.: Пару раз отец брал меня в детстве с собой на ипподром. А потом я стал ходить туда самостоятельно. Слу-

чайню забравшись однажды в парке на лошадь, я от счастья чуть с ума не сошёл. Ныл, ныл, ныл, пока меня не пристроили в конноспортивную секцию «Труд». В результате девять лет я занимался конкурном. Поскольку из-за двоек в школе тренер мог не допустить до занятий, я мучительно вёл второй дневник, фальсифицируя оценки и подписи учителей. Обнаружили бы этот дневник родители, были бы потрясены тем, что их сын, оказывается, отличник. В общем, в то время как папа на одном конце ипподрома, купив билетик, наблюдал за скачками, я на другом занимался конным спортом. Бега, в которых многие видели элемент свободной жизни, азарт и предвкушение удачи, меня не интересовали. Я знал ипподром с изнанки: как придерживают лошадей и подкупают жокеев.

А.Ш.: О жокеях. Когда-то давно с Театром сатиры мы приехали на гастроли в Саратов. Нас, молодых артистов, поселили на частные квартиры, и я оказался у одного старика. Выяснилось, что он беговик.

– В Саратове бега? – поразился я.

– Да, у нас ипподром.

И он меня поволок. На автобусе мы пилили-пилили и приехали на паханное поле. Там под шатром сидели два будёновца с матюгальником и вдалеке виднелась конюшня. Никаких программок не было. Обычно на ипподроме наездники в разных камзолах, чтобы можно было различить их и видеть, кто как едет. Будёновцы в матюгальник объявляют: «Второй

заезд. Бегут Рыцарь под наездником Ивановым, камзол произвольный, и Леокадия под наездником Тихоновым, камзол произвольный». Выезжают две лошади, и на них два мужика в ватниках, на которых сзади пришпандорены номера. Это называлось «камзол произвольный».

Н.Б.: Но ипподром и бега были много позже. А после лошади в Чердыни следующим транспортным средством стал велосипед. В начале 1950-х мы с Шурой ездили на велосипедах по Москве. У меня был немецкий Diamant, подаренный мне родителями в 1953 году по окончании школы, а у Шуры – ЗиЧ с переключением скоростей.

А.Ш.: Да, трёхскоростной ЗиЧ производства Новосибирского авиационного завода имени Чкалова. После велосипеда родители купили мне мопед. Я жутко учился, тогда они сказали: «Отнимем». Начал учиться. Ни на мопеде, ни на велосипеде я уже давно не езжу. Несколько лет назад в Москве организовали акцию «На работу на велосипеде» и попросили руководителей всех организаций её поддержать и приехать на велосипедах. А чуть позже Сергей Собянин по телефону поздравлял меня с днём рождения. Мы мило беседовали, и я возьми да и скажи: «Я тут получил письмо о том, что должен на работу ехать на велосипеде. А вы знаете, что двенадцати руководителям московских театров – за восемьдесят? Лично я очень беспокоился за Галю Волчек. Всё думал, как она доехала». Возникла пауза. И Собянин совершенно гениально ответил: «Вообще-то, над возрастом руководителей театров

надо серьёзно подумать».

М.Ш.: Я хорошо помню свой первый велосипед. Прадеду, академику Владимиру Семёнову, за выдающиеся заслуги в области архитектуры выделили квартиру, в которой было пять комнат, включая комнату для прислуги! Мы с моим двоюродным братом гоняли на велосипедах по всем её закоулкам. Потом были другие велосипеды, а когда велосипедное отрочество закончилось, на горизонте замаячила мопедная юность, о чём упоминается в одном из писем папы мне.

Из бардачка Михаила Ширвиндта

Здравия желаю тебе, дорогой мой сын!

Не знаю, как ты, а я по тебе соскучился. Из коротких сообщений понял, что жизнь у вас течёт нормально и ты гуляешь с бабой-Котельнической. Молодец, будешь отмечен поцелуем и ценным подарком. Хотя что может быть ценнее отцовского поцелуя?

Моя жизнь тоже идёт нормально, правда, играю довольно много – надоело, хочу домой. Регулярно посещаю бассейн «Динамо» – там немного разминаемся, кидаем по щиту и плаваем, а под занавес смотрим чемпионат страны по водному поло среди юношей – довольно интересно, а я-то раньше даже не видел никогда вблизи этой игры. А ты?

Здесь, во Львове, на всех углах зазывают и предлагают купить билеты автомотолотереи. Я взял 10 штук, так как розыгрыш назначен на 19 июля – день моего рождения, и мы с тобой обязательно выиграем если не «Волгу», то уж мопед точно. Гастроли

кончаются 30 июля, так что в первых числах августа я уже буду дома. Осталось 20 дней мучиться.

Целую

Папа

Выезд из гаража

«С разбитыми фарой и носом»

Михаил Ширвиндт

Ледовый спидвей (мотогонки на льду) – пожалуй, самая большая спортивная страсть в моей жизни. Мне было лет двенадцать, и я жил тогда у бабушки на «Динамо», прямо напротив стадиона. Как-то зимой, гуляя во дворе, я услышал странный трескучий шум. Он то усиливался, то ослабевал и сопровождался рёвом восторженных зрителей на трибунах. А потом я почувствовал запах! Если бы автор «Парфюмера» Зюскинд жил тогда в нашем дворе, то, естественно, создал бы магический аромат на основе выхлопа метанола, парящего над стадионом (да, гоночные мотоциклы для пущей скорости заправляют не бензином, а именно метанолом). Вот так, заочно, не видя самого зрелища, а только благодаря треску и запаху я стал фанатом неведомого мне вида спорта.

После этого откровения я не пропускал ни одного соревнования. Ах, эта атмосфера! Ледяная взвесь от взрытого шипами льда поднимается над треком – четверо гонщиков стартуют, встав на дыбы, и тут же падают на колено, входя в первый поворот, потом – рывок по прямой, снова поворот и так далее. Очень часто выбоины на разъезженном льду подбра-

сывают мотоцикл, и происходит контакт с мотоциклом соперника. Удача, если у спортсменов получается выровнять свои машины, но чаще кубарем летят люди и мотоциклы, врезаются в защитные маты... Жуть! Кошмар! Красота!

До сих пор я помню имена выдающихся мотогонщиков того времени: Габдрахман Кадыров, Борис Самородов, Владимир Цыбров, Конни Самуэльсон, Антонин Шваб... Не морщитесь! Для знатоков эти фамилии звучат, как музыка. Дайте им насладиться именами кумиров тех лет. Замечательный писатель Андрей Битов написал повесть «Колесо. Записки новичка», посвятив её спидвею и, в частности, первым двум персонажам из моего списка.

Кстати, как рассказывают мотогонщики, именно Габдрахман Кадыров придумал лечь вместе с мотоциклом на лёд, входя в вираж. При этом левое колено выполняло функцию тормоза и опоры. Такой трюк давал огромное преимущество: мотоцикл практически не терял скорости на повороте и, вернувшись в вертикальное положение, на корпус обгонял преследователей. Сейчас так делают все, в магазине продаются профессиональные наколенники и налокотники для этих манёвров, но тогда... Очень долго мотогонщики во всём мире не могли освоить этот приём: на лёд они ложились, а вот встать не получалось, и так, лёжа на боку, они улетали в ограждение.

В общем, не нюхнув аромата выхлопа, не насладившись мелодией трескучих движков, не завопив от ужаса, когда мо-

тоцикл начинает «козлить», вы не сможете понять этот настоящий мужской праздник. К великому сожалению, мне не удалось приобщить папу к этому таинству. Был один шанс, но увы. Эх, расскажу!

Как-то в «Лужниках» проходили очень важные соревнования по спидвею, чемпионат то ли Европы, то ли мира, а может, и Вселенной – сейчас уже не так важно. Главное, что я уговорил папу меня туда отвезти. Не помня себя от радости, я сидел дома и ждал, когда наконец он придёт с работы и мы поедем. Ну что же так долго? Уже 3 часа дня, а в 7 вечера начало! Опоздаем! Я не находил себе места: 4, 5, 5:30... Где папа? Мобильные телефоны ещё не изобрели, в театре сказали, что он давно ушёл. 6, 6:30, 7!

Папа не пришёл. Он забыл.

Это был, пожалуй, единственный случай, когда я серьёзно обиделся на отца. И всё же спустя несколько лет та драма помогла мне. Тогда дело дошло до покупки мопеда.

О, мопед! У многих сверстников из обеспеченных семей это желанное транспортное средство уже имелось, мне же, сыну артиста и архитектора, рассчитывать на чудо не приходилось – стоил мопед около двухсот рублей! Помимо дороговизны существовал ещё фактор опасности, беспокоивший родителей.

– Ты и на велосипеде был весь в синяках и ссадинах, а тут вообще!

Однако бесконечное нытьё про Петю, Лёшу, Юру, у кото-

рых уже чуть ли не мотоциклы, и клятвы, что ездить буду очень медленно и только вокруг дома, а на шоссе – ни-ни, потихоньку довели родителей до нужной кондиции, «клиенты созрели». И вот наконец мне и моему другу Аркаше купили мопеды «Верховина-5»! Нет, Аркаше мопед купили не мои родители, а его, тоже из интеллигенции, а стало быть, очень небогатые. Нас, конечно, не волновали дыры в семейных бюджетах, главное – мопед!

Сейчас я думаю, что брешь в обороне отца, или, как сказал бы шахматист, защите Ширвиндта, пробило напоминание о случае с «Лужниками».

И вот два красавца с середины весны обосновались на нашем балконе в ожидании каникул и дачи! Мы настолько шалели от радости обладания этими полумотоциклами, что не слезали с них ни на балконе в Москве, ни потом, на даче!

По сравнению с теперешними элегантными электроскутерами наше «чудо техники» сейчас выглядело бы полной архаикой. Оно всё время ломалось, оно дымило, оно трещало так, что соседи-дачники гонялись за нами с палками! (Если бы сегодня я встретил ту кавалькаду на пяти-шести ревущих монстрах, я всех этих ездоков поубивал бы! Но теперь я старый брюзга, а тогда был юный мотоас.)

Как-то, не выдержав зубодробительного треска, на дорогу с палкой наперевес выбежал Александр Михайлович Поламишев – известный режиссёр, профессор Театрального училища имени Щукина. Он приготовился к атаке, и тут из-за

поворота выезжает мопед, а на нём сидит мой папа, его коллега по училищу! Жалко, я не видел этой сцены.

О, сколько приключений было связано с мопедами! Сколько поломок, падений, встреч с гаишниками! Естественно, вопреки заверениям, данным родителям, мы не катались по дорожкам около дома. Мы совершали дальние путешествия, преимущественно по бездорожью, проваливались в ямы, увязали в болотах, глохли, беря речки вброд!

Ездить же по «дорожью» без номерных знаков запрещали правила, а получить их мы не могли, будучи несовершеннолетними. Поэтому гоняли по шоссе на свой страх и риск. Правда, гоняли – это громко сказано. Максимальная скорость мопеда 50 км/ч, так что любой милицейский мотоцикл догонял тебя в два счёта. А догнав, доблестный гаишник тебя наказывал. А как наказать малолетнего балбеса? Денег у него нет, везти его вместе с драндулетом в участок – дело хлопотное, поэтому он просто вырывал с корнем провод зажигания, и всё! Если же попадался «настоящий» гаишник, то он ещё спускал шины и забирал ниппели, чтобы ты не мог их накачать. И всё это в 40 километрах от дома!

Слава богу, что путешествовали мы группами, поймать же милиционер мог только одного из нас – остальные разъезжались в разные стороны, насосы и запасные ниппели у нас имелись. С проводами было сложнее, поэтому приходилось мастерить из подручных средств буксир и тянуть бедолагу до дома.

Зато ночи были наши! Гаишники спят, родители тоже, ты незаметно вылезашь в окно дачи, выкатываешь мопед и долго-долго катишь его по ночным тропкам до выезда из посёлка. По параллельным дорожкам, кряхтя, тужатся твои мотодружки – ведь, если завести эти тарахтелки чуть раньше, перебудишь всех дачников и спалишь всю стаю.

И вот преграды позади – свобода! Все дороги твои – гоняй сколько хочешь, что мы и делали до потери сознания, до последней капли бензина!

Помню, как-то мы договорились покататься с другом Аркадием и одной милой дачницей. В назначенный ночной час я подобрал Олю (по-моему, её звали так) у её калитки. Мы дошли до дома Аркаши – и тишина. То ли проспал, то ли заболел (он до сих пор крайне болезненный мальчик), а может быть, его застукала бабушка. Не знаю. Как бы то ни было, мы отправились в путешествие без него.

Сейчас трудно представить, как можно взгромоздиться на эту хрупкую конструкцию вдвоём – одному-то страшновато, а тогда получалось прекрасно. Тогда мы были молодые и лёгкие. Лёгкие и на подъём, и на залезание!

Мы долго гоняли по дальним дорогам, потом по ближним, потом нарвали бесхозных яблок, потом начало светать и мы оказались на бескрайнем лугу в пойме речки Малая Истра. И вдруг во мне что-то щёлкнуло, я как бы попал в другое измерение, время замедлилось, и начался плохой фильм. Плохой – в смысле слишком хороший, когда герои идеальны, репли-

ки до тошноты банальны, природа вокруг настолько красива, что плевать хочется, и мы неожиданно стали персонажами этой пошлой нетленки!

Мы мчались на бешеной скорости по лугу сквозь высокую траву, сквозь васильки, ромашки и клевер. Предутренняя роса приятно холодила наши загорелые мускулистые ноги (так обычно пишут). Кромка леса, окаймлявшего поле, из тёмно-серой превратилась в нежно-голубую, потом, буквально через несколько мгновений, стала ослепительно зелёной с перламутровыми отблесками первых робких лучиков солнца!

Мы остановились на песчаной косе у речки, мы купались, мы мыли мопед, мы ели яблоки без намёка на грехопадение – в плохом кино ни в яблоке, ни в раю не может быть червоточинки. И длилось это бесконечно! И было это счастьем!

Потом, слегка оглушённые гармонией, мы ехали домой. Не глядя, я повернул в привычный проулок, а там – свежерытая траншея! Девушка перелетела через меня и покатилась по траве, а мы с мопедом долго кувыркались внутри, снаружи, опять внутри этой дурацкой канавы!

В итоге Оля, как говорится, отделалась лёгким испугом, а драндулет и я получили значительные повреждения: погнут руль, разбит нос, поломаны спицы, ссадины на локте и на колене и так далее. И знаете, что я понял, ковыляя домой с разбитыми фарой и носом?

Самые счастливые моменты нашей жизни размываются

суеютой и рутиной. Они настолько хрупки и скоротечны, что мы не успеваем их поймать и зафиксировать. Вот, вот оно! Вот было! Но нет, тебя окликнули, зазвонил телефон, залаяла собака, и мысль о счастье, вздохнув, испаряется в эфире.

В моём случае – не будь ямы, не осталось бы в памяти этой прекрасной картинки предрассветной идиллии. Всё как в кино: сцена началась, потом щёлк – и закончилась. А секрет очень прост – он на поверхности, а в моём случае – в траншее. Нужно вырыть эту траншею в своей душе, и в моменты радости, эмоционального подъёма резко остановиться, оглянуться по сторонам и сказать себе: «Это счастье!»

«Мгновенье! О, как прекрасно ты, повremени!» – никак не решался произнести доктор Фауст. А знаете почему? Потому что он не свалился с мопедом в траншею!

И в завершение мопедной биографии хочу поделиться с родителями, чьи дети вымаливают себе модный электроскутер, одной историей. Как-то я снимал сюжет о мотогонках и разговорился с очень именитым моточемпионом. Я задал ему банально-традиционный вопрос: «С чего вы посоветуете начать ребятам, которые хотят достичь ваших высот?» И вот его неожиданный ответ: «Знаете, сколько процентов мотоциклистов в своей жизни попадают в серьёзные аварии?» – «Нет». – «100».

Больше вопросов у меня не было.

В гараже

«Ну, Марьиванны, что будем делать?»

Н.Б.: Первая машина в нашей семье была персональной – по субботам она привозила на дачу моего деда, академика Владимира Семёнова, возглавлявшего в то время Институт градостроительства. В посёлке НИЛ был ещё один автомобиль – у архитекторов братьев Весниных. Когда подросток мой брат Володя, ему купили «Москвич», а через год и «Волгу». «Москвич» брат продал какому-то молодому человеку, который оказался Алексеем Баталовым. Алёша вернулся из армии, и Анна Ахматова, дружившая с его мамой, актрисой Ниной Ольшевской, и жившая у них, дала ему денег, чтобы он приоделся. С этой суммой он шёл мимо автомагазина, где увидел практически новый автомобиль моего брата. Алёша купил его, пригнал в свой двор, поставил под окнами и поднялся в квартиру. Ахматова, выглянув в окно и обнаружив «Москвич», спросила: «А что, пиджаков не было?»

Потом моя 50-летняя мама решила научиться водить. Записалась в автошколу, сдала экзамены и получила права, но ездить за рулём боялась: когда она видела милиционера, ей становилось плохо. В то время как я училась на третьем курсе архитектурного института, в нём организовали курсы во-

ждения, и я стала их посещать. Тогда надо было учить не только технику безопасности (тормоз, руль, поворотники), но и всю материальную часть. В результате экзамены я сдала на пятёрки. А Шура, сдававший тогда же, получил двойки и тройки, но, так как троек было на одну больше, ему тоже дали права.

А.Ш.: Прекрасно я всё сдал! За руль я впервые сел классе в десятом. Азам меня обучали великовозрастные приятели.

Н.Б.: Через некоторое время после того, как я получила права, меня остановил постовой. Мне было года двадцать два, я ехала за рулём уже тогда нашей с Шурой «Победы». Мы с Миррой Кнушевицкой возвращались с Киевского вокзала, проводив Шуру, который куда-то уезжал. Около Большого театра я проскакиваю на красный свет, и меня останавливают. Подходит милиционер. Лето, мы сидим такие молодые и воздушные: платья в кружевах и кружевные же перчатки до локтя.

Он оглядывает нас и говорит:

– Ну, Марьиванны, что будем делать?

Мы так расстроились! Не из-за нарушения и возможного наказания, а из-за того, что нас называли Марьиваннами. Мы-то казались себе ангелами. Он нас всё же отпустил.

Я провела за рулем 60 лет без единой аварии. Несколько раз меня останавливали за превышение скорости. Однажды – когда я ехала вдоль Яузы. Тогда было принято в выходной день посылать провинившихся слушать лекции о правилах

дорожного движения. И милиционер собрался отправить меня в воскресенье куда-то на окраину Москвы.

– С удовольствием послушала бы лекцию, – говорю, – но дети!

– А у вас не один? – участливо спросил милиционер.

– Если бы один!

А внуки тогда ещё не родились, у меня был только взрослый Миша.

– Что же мне с вами делать? – задумался гаишник.

– Я сейчас еду по делам, а когда буду возвращаться, дайте я помашу вам с того берега и погужу, – предложила я.

И он меня отпустил! На обратном пути вижу – на той стороне Яузы он кого-то штрафует. Останавливаюсь и гужу. Он бросается к парапету, начинает мне махать сам и чуть ли не посылать воздушные поцелуи.

Когда Шура, уже став известным, иногда превышал скорость и его останавливали, то гаишники обычно узнавали его, улыбались и желали счастливого пути. Однажды мы ехали с маленькими внуками, превысив скорость. Милиционер подошёл, увидел за рулем Шуру и воскликнул: «О, какие люди в Голливуде!» Внуки потом долго вспоминали эту фразу.

М.Ш.: Я помню, как однажды Андрея Миронова тормознули. Что-то он там нарушил. Андрей, будучи уже в зените славы, смиренно протянул документы. Пожилой капитан долго их изучал, потом взял талон предупреждений, который в то время прилагался к правам и в котором за серьёз-

ные нарушения прокалывали дырки (три дырки – и изъятие прав!), достал компостер и собрался пробивать. Второй, молодой гаишник, видя решимость коллеги и ужас в глазах Андрея, тихо говорит своему опытному напарнику:

– Это же Андрей Миронов!

– Подумаешь, Миронов, – цедит тот. – Я самого Олега Попова останавливал!

И проколол талон.

А.Ш.: Если окинуть взглядом весь мой автомобилизм, то я прошёл четыре периода. Первый – безумная, лихая юность, когда мы в ночи гоняли наперегонки. Машин на дорогах тогда было немного, милиции тоже. Второй период можно назвать профессионально быстрым. Третий – малоскоростной. Ну а четвёртый – когда меня перестали пускать за руль.

Из бардачка Александра Ширвиндта

Нужно было летом перегнать машину на дачу, и в течение месяца в семье шла бойня. Я бился, орал: «С моей ранней вставаемостью я могу проехать в четыре утра по пустому городу». Ничего не вышло:

перегнал внук, а я сидел рядом. Единственное, куда мне разрешают ездить, – это в «Пятёрочку»: от дачи 323 метра по посёлку и потом 20 метров по дорожке к магазину. Такую езду мне разрешают только потому, что Наталия Николаевна не может дотащить в гору эту «изжогу».

Александр Ширвиндт, «Отрывки из обрывков» («КоЛибри», «Азбука-Аттикус», 2022)

Выезд из гаража

«Я – ржавая бочка, в которой что-то крутится»

Александр Ширвиндт

Я в маразме, но в светлом. В чём маразм? Начинаешь что-то вякать и забываешь, с чего начал, зачем начал. И думаешь, как бы поинтеллигентнее закончить.

Когда правнучка Элла была ещё трёхлетней, мы с ней вместе делали на даче бусы из желудей. Проткнуть жёлудь у меня никак не получалось.

– Иголлка тупая! – говорю.

– Да нет, это не иголлка тупая, – возражает она, – а просто ты старый.

В спектакле «Орнифль» был такой текст: «Господь отворачивается от людей старше 60-ти». Поиграли-поиграли, я начал говорить: «Господь отворачивается от людей старше 70-ти». Потом переделал на «старше 80-ти». Я понял, что конца этому не видно, и спектакль сняли с репертуара.

Стариков сыграть легче, чем молодых. Мы с Андреем Мироновым ставили спектакль «Маленькие комедии большого дома». В последней из его новелл – «Пой, ласточка, пой», –

действие которой происходило в ЖЭКе, играл Тусузов. Ему тогда было за 80. На репетициях он выходил и подыгрывал, показывая, что он несвежий.

– Егор, дорогой, – говорили мы ему, – ради бога, не играй старость, достаточно и твоей.

Вообще старость – это потеря возможности профессиональной деятельности. Пора уже сажать брюкву.

Раздражает невозможность двигать членами. В хорошем смысле.левой коленке пошел 90-й год. Представляешь себе, сколько она прошла. У правой пробег меньше, так как встаю я всегда с левой ноги. Вообще, они сговорились и сказали мне: «А не пошёл бы ты...»

Несколько лет назад был вечер памяти Булата Окуджавы в Концертном зале имени Чайковского. Я по соседству, в Театре сатиры, играл спектакль, поэтому появился на сцене позже всех. Ведущий этого вечера – Дмитрий Быков – перед моим выходом произнёс:

– Я получал всё время эсэмэски: придёт – не придёт. В то, что придёт, верила только Ольга Окуджава, которая сказала: «Если Ширвиндт обещал, он будет».

Я вышел к микрофону:

– Что значит «придёт – не придёт»? Дойдёт или не дойдёт.

Театр сатиры находится в здании бывшего цирка. Под куполом, куда ведёт винтовая лестница, соорудили малую сцену. Валентин Плучек велел её как-то назвать, и я придумал «Чердак Сатиры». Там идут малогабаритные спектакли. Я

давно не могу туда подняться. Мне как худруку все спектакли показывали вниз, а потом шли вверх. Вера Кузьминична Васильева в 97 лет поднималась туда и играла автобиографический спектакль «Вера» два с лишним часа.

В спектакле «Где мы?» старый персонаж, которого я играю, может быть с палкой. Спектакль длится два часа сорок минут. Задача – доиграть до конца. Получаешь удовольствие, когда он заканчивается. И всё же... Фраза: «Работа – лучшее лекарство от всех бед» – очень точная. Я еле выхожу на сцену – с палкой, сопливый, без голоса. Но там об этом забываю. Реакция зрителей одинаковая: «Смотри, он ещё ходит!», «Боже мой, он даже говорит!». А пресса пишет: «Посвежевший Ширвиндт не выглядит на свои 89 лет – ему смело можно дать 88».

Ален Делон дальновидно поселился в Швейцарии, где разрешена эвтаназия, и объявил о своём решении в случае чего воспользоваться этим правом. Я, будучи старше на год, хорошо его понимаю. Пройдя пики славы и преклонения, оказаться стариком, вызывающим усталое сострадание, и стать обузой близким и самому себе – невыносимо. Самоубийство – порыв. Эвтаназия – потеря последнего аргумента для существования.

Очень хочется душевного покоя. Классик сказал: «Покой нам только снится». Но он уже и не снится даже. Уже и ночью кошмары. Эти ночные кошмары – винегрет из дневных, но со счастливым концом просыпания. Или бурная бессонница.

В ней, правда, есть своя прелесть. Ночью собака спит, никто из домочадцев не говорит каждую секунду, как надо жить, что есть, что пить, поэтому встаёшь и выпиваешь 50 грамм текилы...

Кто-то из журналистов спросил: «Какие перемены произошли в вашей жизни в последнее время?» Ответил: «В моём возрасте лучше без перемен».

Существуют бетономешалки – автомобили с вращающейся цистерной для перевозки раствора с цементом. Я могу сравнить себя с такой цистерной. Я – ржавая бочка, в которой что-то крутится, чтобы не затвердеть. Сейчас подыскивают отечественные комплектующие для моего организма.

В силу того, что я оказался самым старым, ко мне часто обращаются с просьбами посетить мероприятия в память об ушедших. Раньше говорили витиевато, стесняясь, а сейчас прямым текстом: «Завтра исполнилось бы 150 лет Финкельштейну. Вы один остались живой. Если вам нетрудно...» И я прусь. Хотя Финкельштейна не знал.

Ровесники стареют, мало соображают, мрут. Недавно справляли 85-летие Юлика Кима. Пришли все оставшиеся – кто на палке, кто на костылях, кто на гитару опирается. Их вывозили, выносили, и только Юлик молодой.

К 85-летию Юрия Роста я записал видеопоздравление, которое показали на праздновании в Доме актёра:

Ну что, друзья, совсем не просто,

Шагая весело к погосту,
Нарваться на рождение Роста
И что-то мямлить в виде тоста.

Это стихи. Хорошие, потому что на Роста масса хороших рифм. Но суть не в этом. Суть в том, что он супермен и всё делает для того, чтобы друзьям было лучше. Что трудно, поскольку друзья всё дохлее и дохлее. Например, Юрий Михайлович приехал к нам на дачу на мотоцикле. В 80 с лишним лет попытаться на мотоцикле, которому не меньше, чем водителю, по гравию приползти – это нужно иметь какое титаническое снисхождение к друзьям! Прелесть в том, что всё это не для себя. У него не видит левый глаз, а у меня правый. У него не слышит правое ухо, а у меня левое. И он всё делает для того, чтобы вскладчину мы были совершенно полноценные ясновидящие и хорошо слышащие ребята. Он гонит на белых грибах хреновуху – можно ох... Можно сойти с ума. Но уже не принимает организм. Да ещё после хреновухи не поедешь на мотоцикле. Дорогой Юра! И дальше делись всем, что у тебя осталось ещё полуживого. Я всё время читаю о загадочном мужском тестостероне (он для детей и для удовольствия). Не знаю, какой у тебя запас тестостерона, но уверен, если понадобится, ты разбросашь эту жизтельную влагу (или что это – микробы, бактерии?), чтобы нам в полной мере, по-мужски, провести остаток нашей совместной интеллигентной, резкой и очень-очень трудной, но

единственной жизни. Держись! Приезжай на мопеде!

В гараже

«Ужас биографии»

Н.Б.: Из наших друзей не водили машину Марк Захаров, Михаил Козаков и Аркадий Арканов. А из жён, наоборот, за рулём ездили супруга Державина Нина, Гердта – Таня, Рязанова – Эмма, Окуджавы – Ольга. Жену Гриши Горина Любу вождению обучала я. Она получила права, но так и не водила. Я была инструктором по вождению автомобиля нескольких человек. Первым учеником стал Миша.

М.Ш.: Моё вождение началось ещё в раннем детстве, когда я ездил с отцом на дачу на нашей «Победе». У неё переключатель указателей поворота располагался на передней панели, очень неудобно, и водителю приходилось тянуться. Я «сидел на мигалке» – включал поворотники. Но как только мы съезжали с шоссе на просёлочную дорогу, отец давал мне порулить. А после восьмого класса я стал отрабатывать водительские навыки уже с мамой. О чём писал в своей книжке.

Из бардачка Михаила Ширвиндта

Водить машину меня научила мама. Конечно, в детстве на даче папа сажал меня на колени (до педалей я не доставал), и я рулил по нашим

жутким оврагам. Когда же я подрост, то уже под маминым руководством ездил по огромному двору на Котельнической набережной. И, несмотря на то что эти занятия являлись поощрением за хорошую учёбу, то есть были крайне редки, я всё же довольно быстро освоил автоискусство. К моменту сдачи на права я уже мог сам научить кого угодно.

Самый эффектный комплимент, который я получил в своей жизни от подружки Карины, дорогого стоит.

– Ты водишь машину, как бразильцы играют в футбол! – сказала она.

Михаил Ширвиндт, «Мемуары двоечника»

Н.Б.: После Миши я учила водить Державина. Долго учила, прорабатывала с ним технику безопасности, правила дорожного движения. В назначенный день мы приехали сдавать экзамен. Сидим, волнуемся. В кабинет вызывают по одному, потом каждый с инструктором уезжает. Большинство возвращаются расстроенными, а девушки – плачущими: завалили. Миша заходит в кабинет и через пару минут выходит.

– Поехали! – бросает мне.

Мы сели в машину, и он достал из кармана права. Никаких экзаменов! Его узнали и не стали спрашивать. А мы готовились...

А.Ш.: Мишка Державин долго не решался сесть за руль, предпочитая использовать в качестве водителя супругу – Нину Будённую. Он покровительственно обнимал её за пле-

чи, делая вид, будто учит. Я с трудом заставил его купить первые «Жигули».

Н.Б.: Учила я и Леонида Мильграма, знаменитого директора 45-й московской школы, которая теперь носит его имя.

М.Ш.: Мильграм был женат на дочке одного из основателей Компартии Италии Мирелле Пасторе и собирался привезти из-за границы «Фиат».

Н.Б.: Он был уже немолод, но очень обаятелен. Я вызвалась его учить, чтобы он не выгнал из школы Мишу. Мильграм получил права, а Миша – среднее образование.

Мы присутствовали на выпускном вечере, и первые слова директора меня поразили. В то время было принято давать напутствия вроде: «Трудитесь на благо нашей Родины, вы – будущие коммунисты» – и далее в таком духе. Он же, обращаясь к выпускникам, начал совсем иначе:

– Я уже старый, но ещё лет семь-восемь продержусь. Поэтому, если хотите, чтобы я успел принять ваших детей в первый класс, постарайтесь поскорее их родить.

Прошло время, на похоронах Зямы Гердта рядом со мной стоял какой-то мужчина. Я спросила Мишу, что это за красивый грузин. Оказалось, это Мильграм. Мы с ним разговорились, и я рассказала ему, как обозналась.

– Спасибо за грузина, – сказал он.

М.Ш.: Школа № 45 была престижной и лучшей из трёх школ, в которых я учился. Но всё же до сих пор, если я вижу на каком-нибудь дачном участке гладиолусы или «золотые

шары», у меня мороз по коже. Сразу вспоминаю, как в детстве с ужасом ждал момента, когда такие же цветы срежут и всучат мне, чтобы нести в школу. Мои домашние задания мама проверяла аж до 10-го класса. Мне в голову не приходило, что знания когда-нибудь будут нужны.

Советская школа ломала тебя о колено. Чтобы пропустить уроки, я тёр градусник об одеяло, пока он не показывал хотя бы 37,2. Или уже в классе я щипал себя ногтями за уздечку носа. Это очень больно. Сначала появляются слёзы, потом ты начинаешь чихать. Минут через пять, захлебываясь соплями, ты ноешь:

– Мне очень плохо.

– Иди домой, – разрешает учительница.

И тут же кто-нибудь выкрикивает:

– Можно я его провожу? Мало ли что...

И одноклассник тоже валит с урока.

У меня сохранилась папина записка тех лет.

Из бардачка Михаила Ширвиндта
Миша!

Очень хотелось бы получить от тебя лёгкое, ни к чему, естественно, не обязывающее послание с кратким, в меру искренне-правдоподобным отчётом о существующем моменте твоей бурной жизни. Призываю тебя это сделать, ибо очень хорошо понимаю твою ситуацию, где жажда быть современным в глазах окружающих соплеменников всегда идёт вразрез с занудными требованиями родителей. В этой жуткой

борьбе с самим собой я тебя призываю найти элегантную середину, чтобы потом не было мучительно больно за бесцельно брошенных родителей.

Ориентирами жизни, а может, и существования (жизнь и существование – это категории разные), должно для тебя быть:

а) родители никогда тебя не предадут (если ты по духу не Павлик Морозов);

б) не надо думать, что ты умнее, хитрее и опытнее, а главное – современнее своего отца (это возрастное заблуждение);

в) полагаться на свою интуицию следует не во всех случаях – не зазорно иногда отозвать отца в сторонку и посоветоваться;

г) не стоит торопиться познать сразу всё – потом будет скучно.

После этих теоретических выкладок перехожу к материальной программе:

1) помни, о чём мы договорились (я не шутил);

2) если переползёшь в 10-й, грозят всяческие курортно-вещевые блага;

3) не соблазняй себя неожиданным «чудом» в конце месяца – отрешись от соблазнов и позанимайся все эти оставшиеся крохи времени. Летом отомстишь обществу за майский труд. Если профукаешь май, грозит катастрофа. Я тебе пишу без ханжества – это так и есть.

Не предай отца! Он ещё пригодится.

М.Ш.: Ужас заключался в том, что меня заставляли за-

ниматься даже летом. В своей книге я вспоминал об одном таком эпизоде – поездке в район Чернигова на реку Десна с рыбаком и папиным другом кинооператором Вилей (Вилием Петровичем) Горемыкиным.

Из бардачка Михаила Ширвиндта

Мы приехали большой компанией на двух машинах и разбили лагерь в сосновом лесу на очень красивом высоком берегу реки. Мы – это Виля Горемыкин, его жена Лена Козелькова, Вилин старший сын Саша, их фокстерьер Денис, мама, папа и я. Мы были совершенно одни: в радиусе нескольких километров не было ни одной живой души! Настоящий дикий отдых...

День на десятый дикий отдых начал немного поднадоедать... Распорядок жизни был уныловато-однообразен: мужчины удили и спали, женщины чистили и готовили рыбу, мы с Сашей занимались каждый своим делом, или, точнее, бездельем, Денис нас всех охранял.

Все это порождало хандру и лень. Однажды мы всей компанией сидели на бережку и сосредоточенно смотрели, как мимо проплывает лодка. Это случалось редко и потому попадало в категорию «развлечение». Сидим мы, значит, смотрим, и только Денис носится вдоль воды, лает и норовит прыгнуть в реку и уплыть за лодкой.

Тогда Виля говорит сыну:

– Саша, принеси ошейник.

Саша, не повернув головы, повторяет:

– Миш, принеси ошейник.

Я, мучительно не желая тащиться в машину за дурацким ошейником, предпринимаю попытку спастись:

– Чей? – спрашиваю.

Как-то раз эта тоска по цивилизации принесла неожиданные плоды. Сидим мы, как обычно, на берегу, и вдруг из-за поворота выплывает корабль! Огромный! Трёхпалубный теплоход! С кучей народа и музыкой! Все повскакивали с мест, засуетились, а мы с Сашей стали махать панамками и кричать:

– Э-ге-гей! К нам! Сюда!

Взрослые помахивали тоже. И корабль причалил!!! Да! Было братание, торжественное посещение буфета и даже просмотр футбола по телевизору в кают-компании!

Самым неприятным в этом отдыхе было то, что меня заставляли заниматься. Английский, математика, внеклассное, будь оно неладно, чтение! Отвертеться было невозможно, и каждый божий день приходилось тратить своё бесценное детство на эту каторгу. А тут ещё и зуб у меня раскачался. Взрослые требовали рвать – я ни в какую, меня ловили – я убегал...

В конце концов мама сказала:

– Хорошо. Если ты вырвешь зуб, то можешь сегодня не заниматься.

О боги! Что за пытка! Что за соблазн! И я согласился. Осталось только выбрать способ экзекуции. Совать руки ко мне в рот я категорически не давал, да

и немногие решились бы, учитывая мои оставшиеся острые зубки. Выход нашёл папа. Мне надели на зуб петлю, другой конец нити привязали к двери автомобиля. Я должен был залезть в машину, папа – резко открыть дверь и...

Технически всё было подготовлено идеально: машина, зуб, петля, дверная ручка, папа, зрители. Итак... Барабанная дробь, рывок, дверь распахивается... и я выпрыгиваю следом! Зуб невредим! Так происходило несколько раз, и я всегда успевал выпрыгнуть, как бы резко папа дверь ни дёргал. Проект был на грани срыва. Вечерело, взрослые приближались полуколышом, у каждого в руках был какой-нибудь учебник: английский, математика или ещё какая-то гадость... И я решился.

– Стойте! – сказал я с веревкой в зубах. – Привязывайте меня к машине!

Так и сделали. Длинный конец моей петли привязали к заднему бамперу, папа сел за руль, машина тронулась, и мы поехали! Вернее, ехал только папа, а я бежал. Представьте себе картину: маленький мальчик в сандаликах, привязанный к машине, удаляется в клубах пыли в тщетной надежде... В общем, «стальной конь» победил. Я вернулся на машине, сидя рядом с папой и держа в руках несчастный пыльный зуб.

На следующий день надо мной вновь нависла неотвратимость получения знаний.

– Миша, бери тетрадки и иди сюда, – позвала мама.

– Сейчас, – сказал я и ушёл в лес.

Спустя полчаса я вернулся с окровавленным зубом в руках. Я раскачал и вырвал здоровый зуб!

(Посвящается всем павшим в борьбе со знаниями.)

Михаил Ширвиндт, «Мемуары двоечника»

М.Ш.: Я ненавидел все школьные предметы. Ненавидел клише, которые в нас вбивали: «Онегин – умная ненужность», «Базаров – лишний человек», «Катерина – луч света в тёмном царстве». Однажды нам задали выучить стихотворение об осени. Чтобы найти хорошее, то есть короткое, я перерыл всю литературу. Прочитал такое количество стихов об осени, какое не читал ни один учитель. И нашёл. Эффектно сказал в классе: «Самуил Яковлевич Маршак, “Октябрь”».

«В октябре, в октябре
Частый дождик на дворе.
На лугах мертва трава,
Замолчал кузнечик.
Заготовлены дрова
На зиму для печек».

Кол! За то, что я надругался над осенними стихотворениями.

Я начал набираться знаний уже потом, после школы. Один из моих любимых писателей – Василий Аксёнов. Где-то на первых курсах театрального училища я наткнулся в журнале «Новый мир» на его повесть «Поиски жанра» и потом пере-

читал его всего. Лучшее из произведений Аксёнова для меня – рассказ «Жаль, что вас не было с нами», который я слушал на пластинке в его исполнении. Я был знаком с Василием Павловичем. Однажды мы с ним встретились на пересадке в каком-то аэропорту. Я сказал ему, что недавно купил пластинку, где он читает этот рассказ. Василий Павлович удивился, и я обещал ему её передать, но уже не успел.

Н.Б.: С Аксёновым мы жили в одном доме на Котельнической набережной. Но я с ним познакомилась ещё до этого – его первой женой была моя одноклассница Кира Менделеева.

А.Ш.: В журнале «Знамя» лет десять назад было опубликовано письмо Зямы Гердта Аксёновым, написанное предположительно в 1982 году, в котором он упоминает приход к нам в гости с Беллой Ахмадулиной и Борей Мессерером. Прочитую кусочек.

Из бардачка Александра Ширвиндта
«Дорогие Маечка и Вася!

Так счастливо сложилось, что нам с Таней понадобилась водка с винтом (для подарка, как вы догадываетесь!) и мы остановились около Елисеевского в большой надежде на удачу, каковой не последовало, зато у входа в ВТО встретили Беллу и Борю и вместе пообедали паштетом, капустой, рассольником и поджаркой.

Имея в виду зов в гости к Шурику Ширвиндту на этот вечер, я, естественно, позвал туда и Белочку с

Борей. Шурку предупредил, что придём не одни, а приведём пару милых людей, хотя они и из торговой сети. Без паузы он заявил, что любит торговцев гораздо жарче, чем эту сраную элиту...

У Ширвиндта Белочка прочла твоё, Вася, письмо; очень смеялись и грустили».

Василий Аксёнов, «Незабываемый век», публикация Виктора Есипова, «Знамя», № 10 за 2012 год

М.Ш.: Самым читающим человеком в нашей семье считалась моя слепая бабушка. Она ослепла, когда мне было лет пять. А умерла, когда намечалась правнучка. Все эти годы каждый день к нам приходили нанятые старушки, которые читали ей вслух газеты – «Советскую культуру», «Литературу», толстые журналы – «Новый мир», «Знамя», «Москву»... Все их мы выписывали. Однажды бабушкин друг принёс «Архипелаг ГУЛАГ» и сам читал ей. То, что я тогда, лет в тринадцать, услышал, произвело сильнейшее впечатление. Потом, уже в осмысленном возрасте, году в 1980-м, мы с друзьями, сидя втроём ночью на кухне, читали его по очереди вслух.

А.Ш.: Я мог бы быть образованным человеком, если бы не забывал через секунду все приобретённые сведения. Никакого накопления. Ужас биографии. Мои любимые писатели Саша Чёрный, Ильф и Петров, О'Генри и Маркес. Не люблю я Шекспира. До сих пор ведь неизвестно, был Шекспир или нет. У меня такое ощущение, что какие-то десять английских евреев сидели и придумывали «Короля Лира».

Бессмертие – выборочно. Столько талантливых людей канули в Лету. Я случайно отрыл на даче сатирическую книгу конца позапрошлого века «Наши за границей» Николая Лейкина. Он был писателем-юмористом. В его журнале «Осколки» печатался Чехов, которого тот курировал. Он был читаем больше Пушкина, Салтыкова-Щедрина и Чехова. И где сейчас Лейкин? А ведь надеялся. Глупость таланта – верить в это.

«На сына мы орали от безысходности»

А.Ш.: Как-то меня спросили в интервью, влиял ли я на судьбу сына. Ответил, что постоянно влиял, поэтому он делал всё, чтобы это влияние перебороть. И кое-что ему даже удалось. Ещё спросили, ругал ли я его, когда он приносил двойки. Так он ничего другого и не приносил! Миша учился в трёх школах, и нужно было, чтобы он всё-таки переходил из класса в класс. Есть такой анекдот: «Какие самые счастливые годы в вашей жизни?» – «Это те четыре года, когда я учился в третьем классе». Примерно то же происходило с Мишей.

М.Ш.: Родители на меня всегда орали. Особенно отец. Став старше, я понял, что орёт он только на тех, кого любит.

А.Ш.: На сына мы орали от безысходности: «Не надо! Не надо!» Иногда взывали: «Прекрати сейчас же! Опомнись!» Потом опять: «Не надо! Не надо!» И даже во время каких-то проблесков правильного поведения всё равно на всякий случай упреждали: «Не надо! Не надо!» Эти три наставления – прекрати, опомнись и не надо – лежали в основе воспитательного процесса.

М.Ш.: Все дети врут, и за это их наказывают. Все взрослые врут безнаказанно. Проведя целый день во вранье, они приходят домой и начинают орать на детей, которые совра-

ли, что не брали конфету. Мне кажется, любой ребёнок, сидя обиженным в углу, думает: «Вот вырасту и никогда не буду такой сволочью, как мои родители». Но вырастает и становится точно таким же.

А.Ш.: Мишка намного выдержаннее меня. Не открывает пасть по любому поводу. Он переживает, а значит, умнее. А я дома ору по мелочам. В остальном мы похожи. С возрастом я понял, что суть взаимоотношений с детьми – постоянное удивление их действиями, начиная с первых шагов. Если ото всего отговаривать, то ребёнка можно и потерять. А советы давать бессмысленно, их всё равно никто не слушает.

М.Ш.: Вот один из примеров ора. Мне было лет 16. Грянул мой день рождения. Видно, отец никакого подарка не придумал. Когда я утром проснулся, дома никого не было, а на буфете лежали блок иностранных сигарет и зажигалка. Типа это подарок. Я курил к тому моменту уже лет десять.

А.Ш.: Как только бросил пить, тут же закурил.

М.Ш.: И я решил, что теперь можно курить уже не тайком. Вечером, когда все вернулись, достал сигарету, затянулся и получил – как всегда. То есть подарок не подразумевал, что им можно пользоваться при родителях.

А.Ш.: Много позже дети, молодая шпана – Миша, Денис Евстигнеев, Антон Табаков, – воткнули в рот трубки и ещё начали учить меня, какой табак брать.

М.Ш.: Я завёл трубку из желания курить меньше. Одной мне хватало часа на четыре. С ней ведь надо возиться: пых-

нешь пару раз, а она гаснет. Отец подарил мне несколько ключевых трубок. Их нужно иметь много, потому что каждая выкуренная должна отдыхать минимум восемь часов.

А.Ш.: А потом дети договорились – и все бросили.

М.Ш.: И уже я орал на отца, когда он закуривал трубку.

А.Ш.: Постоянно идёт полемика – что печатать на табачных изделиях: какую антирекламу и какие страшные лозунги. Есть старый анекдот, как мужик подходит утром к киоску: «Мне пачку “Мальборо”». Берёт, а на ней написано: «Курение ведёт к импотенции». Он говорит: «Нет, мне, пожалуйста, что-нибудь про рак». Так вот, была полемика, действуют эти надписи на курильщика или нет. Не действуют. Но доходит уже до абсурда. Трубку курят, в общем-то, единицы. Тем более бабы. У меня есть кисет с табаком, где написано, что курение ведёт к недоношенности. И я, очень боясь недоношенности, иногда курю.

Вообще, воздержание и отбрасывание всех норм, которых надо придерживаться в столетнем возрасте, нахально и чревато послевкусием раскаяния. Покурил, выпил – и помираешь. Думаешь: зачем же я веду такой образ жизни? Потом выживаешь, и всё повторяется. Это такая цикличность воздержания и раскаяния.

Выезд из гаража

«Набери побольше дыма и скажи “аптека”»

Михаил Ширвиндт

Курить я начал, по-моему, лет в шесть. Летом на даче мы с двоюродным братом воровали у деда сигареты «Дымок» без фильтра, залезали под дом и кое-как дымили, слава богу, не понимая, что дым надо не просто пускать в небо, а втягивать в себя. Примерно в этом же возрасте у нас с папой возникла такая игра: когда мы ехали в машине, он доставал сигарету, вставлял ее в рот, а я должен был вдавить тугой «Победин» прикуриватель и, после того как он, раскалённый, выскочит с громким щелчком, вытащить его и дать папе прикурить. Нам обоим игра очень нравилась. Но это ещё не всё. Когда сигарета уже вовсю дымилась, я говорил: «Дай пыхнуть!» Папа протягивал её мне, и я со всех сил дул в фильтр. Шёл дым, сыпались искры – прелесть! Позже, уже повзрослев, я разобрался в технологии курения и стал, пыхнув, немного дыма втягивать в себя. Эта игра мне тоже очень нравилась. Прошло довольно много времени, пока простодушный папаша не просёк коварство ребёнка и не дал ему по шее! На этом

игры в «пыхнуть» закончились.

Интересно, как происходит вербовка курильщиков сейчас, в период всемирной борьбы с курением, когда сигареты стоят больших денег и не продаются на каждом углу?

В моём отрочестве курили все и везде: в кафе и ресторанах, на стадионах и в аэропортах, даже в самолётах! Курили актёры на сценах театров и в кинофильмах. Сигареты стоили дёшево, табачные киоски стояли на всех оживлённых перекрёстках (помните, как герой фильма «Берегись автомобиля» Деточкин чуть не погорел, купив сигареты «Друг», потому что не было «Беломора»?).

Меня по классической схеме к курению приобщили мальчишки во дворе.

– Куришь? – спросил старший представитель дворового дворянства.

– Конечно! – небрежно сказал я (попробовал бы я ответить иначе!).

– На, – протянул он мне свою горящую сигарету, – покажи.

Я, 10-летний курильщик со стажем, взял её и начал курить, набирая в рот дым и шумно выпуская его.

– Подожди, – стал учить меня он. – Набери побольше дыма, а теперь громко скажи «а-а-а-птека».

Я так и сделал. Протянув это «а-а-а», я вдохнул, заполнив легкие дымом. И всё! Меня будто поленом по голове ударили! Я еле устоял на ногах. Под дружное ржание старших то-

варищей я жутко кашлял, меня шатало из стороны в сторону, потом рвало. В общем, урок был усвоен!

Вот объясните мне, как после такого кошмара человек может продолжить курить? Но я смог. Потихонечку, по ползатяжечки, после которой сразу же падал на траву, переживал, потом ещё разок и ещё, и так втянулся и продымил 40 лет.

Первые сигареты, естественно, были украдены у папы. До того как окончательно перейти на трубку, папа курил кубинские сигареты – настолько крепкие, что неподготовленный курильщик, затянувшись один разок каким-нибудь Partagas, потом полдня кашлял. Если прохожий на улице стрелял у тебя сигарету и ты протягивал ему пачку кубинских, он брезгливо морщился, но говорил: «Ладно, давай!» – как будто делая тебе большое одолжение. И это притом что кубинский табак ни в какое сравнение не шёл с нашими «явами» и «беломорами». Кубинский – чистейший, без жутких добавок, из него получают лучшие в мире и самые дорогие сигары, а сладковатый вкус бумаги сигарет – оттого, что она сделана из сахарного тростника без добавления селитры!

Неплохой панегирик я пропел кубинскому табаку, но рекламой его посчитать не получится, так как купить какие-нибудь сигареты Ligeros в нашей стране невозможно. А раньше – на каждом углу по 20 копеек пачка, 2 рубля блок!

И вот как-то, уже будучи профессиональным курильщиком, я поехал в гости к своему другу и бывшему однокурснику Саше Сергееву в США. В дорогу я взял несколько блоков

кубинских сигарет – и на подарки, и для себя. Мой папа, да и все продвинутые путешественники, выезжая за границу, покупали в знаменитом магазине «Гавана», что на Комсомольском проспекте, коробку сигар Romeo y Julieta за несколько рублей, и это был царский подарок любому иностранному богатею – владельцу заводов, газет, пароходов. (У нас с «островом свободы» существовали свои экономические отношения: мы поставляли кубинцам всё – от школьных тетрадок до ракет, а они нам за это – сахар, ром и сигары.)

Что касается Америки, то там кубинские товары являлись контрабандой и, как следствие, стоили космических денег. И вот в один из солнечных калифорнийских дней (других там, в сущности, и не бывает) я еду, вернее ползу, по Лос-Анджелесу в серьёзной пробке на машине своего друга. Окна открыты, я дымлю Ligeros, поглядываю по сторонам и вдруг замечаю, что водитель соседней машины как-то странно принохивается и крутит головой. Постепенно его нос и взгляд концентрируются на мне, и он удивлённо поднимает брови. Я показываю ему пачку сигарет. Его глаза расширяются. Я беру блок, лежащий на соседнем сиденье, и бросаю в открытое окно его машины. Этот ошалевший взгляд стоил тех двух рублей, что я заплатил в Москве за блок! Пробка рассосалась, машины поехали, но он ещё долго догонял меня на каждом перекрёстке, что-то кричал, махал руками, а я, не разбирая ни слова, благосклонно улыбался в ответ. Пустячок? Да, но, думаю, он, как и я, запомнил его на всю жизнь.

В 1990-е годы отношения Москвы и Гаваны стали ухудшаться, начались перебои с поставками кубинских сигарет. Я при возможности покупал их ящиками, иногда заказывая через знакомых в Казахстане или Армении (там они почему-то ещё оставались), но постепенно все ручейки этой полуконтрабанды иссякли, и начался кошмар! Я понял, что сдружиться с каким-нибудь товароведом в табачном магазине или договориться со стюардессой, чтобы добыть Н. Urmann, я ещё в состоянии, но наладить отношения России с Кубой – не потяну! А курить обычные сигареты я уже не мог: попытки перейти на сопоставимые по крепости «Беломор» и «Приму» привели к сильнейшим приступам кашля и, как результат, к эмфиземе лёгких, последствия которой я ощущаю до сих пор, не куря уже 15 лет. Это чтобы вы не подумали, будто я пропагандирую табакокурение.

Галина Борисовна Волчек курила очень много, при этом была натурой, увлекающейся разными модными веяниями – то секретной диетой, то правильным иглоукалыванием. Одно время она практиковала такой метод: утром натошак съедаешь одну рисинку, запивая большим количеством воды, – и всё, болезни как рукой снимет!

Однажды я с сыном Галины Борисовны Денисом Евстигнеевым зашёл к ней днём в гости. Она усадила нас за стол, поставила закуски, заварила чай, при этом себе в чашку налила просто кипяток. Видя наши недоумённые взгляды, она очень серьёзно стала объяснять, что чай вреден, в нём ка-

кие-то танины, токсины и прочие гадости, поэтому лучше пить горячую воду.

Денис посмотрел на мать и говорит:

– Мам, вот ты выкуриваешь две пачки сигарет в день, и это нормально, а вред приносит чай! Это как?

Ответа не последовало, а я от смеха чуть не захлебнулся ядовитым напитком!

В итоге Галина Борисовна последние годы очень страдала от постоянного кашля.

Ближайший друг нашей семьи Зиновий Ефимович Гердт ушёл из жизни от рака лёгких, вызванного постоянным курением. У моего папы врачи диагностировали ХОБЛ (хроническую обструктивную болезнь лёгких). Мне удалось уговорить его бросить курить. Он продержался год, практически перестал кашлять, а потом оказался на приёме у какого-то светила-академика.

– Вот, сын заставил завязать с курением! – пожаловался ему отец.

– Дорогой мой, в наши годы уже ничего нельзя менять, – вальяжно изрёк этот старый м...к, и окрыленный папаша тут же задымил по новой, и болячки вернулись на своё место!

Так что, начав за здоровье, я заканчиваю за упокой: курение – зло!

Сам я бросил курить, когда врачи назвали ситуацию с моими лёгкими «последний звонок», причём помогла мне, как ни странно, книжка Аллена Карра «Лёгкий способ бросить

курить». Книга, на мой взгляд, пустая и популистская, но в ней есть некий код, или, как говорят киношники, 25-й кадр. Смешно, что на первых страницах написано: «Пока вы читаете эту книгу, нет никакой необходимости сокращать или прекращать курение». В связи с этим я читал её год! Зато, когда закончил чтение, в тот же день бросил курить. Самое удивительное, что с тех пор я ни разу не вспомнил о радости глубокой утренней затяжки. Чудо!

Аллен Карр на волне своей славы написал ещё несколько бестселлеров: «Лёгкий способ бросить пить», «Лёгкий способ похудеть» и так далее. Не успев сочинить «Лёгкий способ бросить жить», он умер от рака лёгких.

Я не знаю статистики, но, думаю, мировая война, объявленная курению в последние годы, дала очень неплохие результаты. Могу сказать, что среди дымивших как паровозы моих друзей почти не осталось курильщиков. Слава богу, что никто из них не прочитал упомянутую выше брошюру «Лёгкий способ бросить пить», но, боюсь, и это не за горами.

Кстати, недавно я оказался на дачном ужине в одной компании, состоявшей в основном из молодых и очень популярных актёров и актрис. Всего за столом сидели человек двадцать. Было вкусно, весело, шумно – тосты, байки, шутки. И вдруг, спустя, наверное, час застолья, я, к своему ужасу, понял, что спиртные напитки пьют только двое – я и одна барышня. Остальные потягивают либо минералку, либо безалкогольное пиво, либо соки. И не потому, что они за рулём

или утром важная съёмка. Нет, они просто не пьют.

Да минует меня сия чаша! Или, как говорил герой Папанова Лёлик в фильме «Бриллиантовая рука», «на это я пойтить не могу». Пока.

В гараже

«Ширванг, отъездился!»

А.Ш.: Когда в Москве на Бакунинской улице открыли первый автомагазин, в нём, как в музее, за толстой красной бархатной «змеёй» стояли удивительные экспонаты: автомобили ЗИМ, «Победа», «Москвич-401» – слепок с немецкого «Опеля». Мы ходили туда как на экскурсию и думали: неужели в этой стране есть человек, который за 40 тысяч может купить ЗИМ? Такие люди находились. Помню, как у нас на глазах со двора магазина на новеньком ЗИМе выехал актёр и режиссёр Игорь Ильинский, и мы ему аплодировали. В конце 1950-х я сам, заработав на фильме «Она вас любит», купил автомобиль. Родители обычно дарили мне необходимые вещи типа перелицованного папиного пиджака. Но потом мама решила, что мне нужна машина, и они надыбали половину суммы. Купили мы старенький автомобиль «Победа» у артиста МХАТа Виктора Станицына. Он мог претендовать на новенькую «Волгу», а для этого нужно было избавиться от имеющейся машины.

Мы тогда жили в Скатертном переулке в шикарной восьмикомнатной коммунальной квартире (и считались буржуями – у нас было две комнаты). Кроме нас там обитало ещё

пять семей. На общей кухне всегда что-то шкварчало, у каждого – свой столик, своя плита. Туалет – один на всех.

М.Ш.: И телефон тоже один на всех. Аппарат висел в коридоре. Я до сих пор помню его номер: Г47481.

Н.Б.: Когда я в первый раз пришла к Шуре домой в коммуналку, он не знал, чем меня поразить, и встал на голову. На нём были клетчатые брюки, которые он потом ещё долго носил (они назывались у нас клоунскими). Больше на голове он не стоял. Во всяком случае, при мне.

А.Ш.: Дальше я уже иногда и на ногах не стоял, но сейчас не об этом.

Н.Б.: В общей сложности в квартире жили человек семнадцать: нас трое и родители Шуры, две интеллигентные дамы, женщина с сыном, семья геологов, семья истопника и художник с женой.

А.Ш.: Это был художник-пейзажист Липкин, непризнанный. Однажды я проник в его комнату. К окну вёл узкий проходик. У окна стоял мольберт, чуть левее – стол с незамысловатой едой, за которым сидела жена. Ещё была тоненькая коечка, где они как-то уместались вдвоём. Они занимали большую, 20-метровую, комнату, но жили на трёх квадратных метрах, а на остальных 17-ти жили его картины – огромные полотна – и библиотека с книгами по искусствоведению. Он говорил: «Мои работы – для будущего, потомки оценят». Хотя я потом ни в Лувре, ни в Музее Гуггенхайма не видел работ Липкина. Когда художник умер, вдова стала раз-

гребать комнату. А у нас в сортире, как всегда в те времена, на большой гвоздь были нанизаны обрывки газет для известной процедуры. И вдруг она вышла из своей комнаты с альбомом «Итальянские художники эпохи Возрождения», изданным на тончайшей бумаге. Она сняла газеты, проткнула гвоздём обложку раскрытого альбома, и итальянское Возрождение повисло, как календарь. Человек приходил, отрывал Тинторетто, читал, употреблял и переходил к Боттичелли.

Н.Б.: Все наши соседи были мирными, и только Васька-истопник, вечно чёрный от угля, был пьяницей и антисемитом. Но его жена, работавшая уборщицей, нам помогала – водила Мишу на бульвар гулять. Моя свекровь платила ей за уборку всей нашей коммуналки, и поэтому никогда не было обид, что кто-то за собой не убрал.

А.Ш.: Интриги в коммуналке были, но в основном безобидные.

М.Ш.: Я из своего детства помню только одну разборку на национальной почве. Причём обозвали не меня, как можно было бы подумать, а, наоборот, оказывается, оскорбил я. Мама соседского мальчика привела меня со скандалом к родителям за то, что я её русскому сыну постоянно говорил «не жидись».

– Да вы на себя посмотрите! – орала она.

А я, не подозревая о происхождении этого слова, употреблял его в значении «не жадничай».

Никаких тягот, связанных с коммуналкой, я не испытывал. Никто у нас не запирали на замок от соседей кастрюли с борщом и не держал холодильник на велосипедной цепи. Я ходил к соседям в гости, играл в футбол в огромном коридоре.

А.Ш.: Когда мы в детстве, пропуская уроки в школе, играли в футбол во дворе, воротами служили два портфеля, а мячик был сделан из тряпок, сшитых суровыми нитками при помощи бабушек и родителей.

М.Ш.: При помощи суровых родителей.

А.Ш.: Суровых ниток вялых родителей.

М.Ш.: А мы в хоккей играли корягами и консервными банками летом и самодельными клюшками на льду зимой, на ужасных коньках, в которых нога подворачивалась при каждом движении.

А.Ш.: Почему вообще я вспомнил о квартире в Скатертном переулке? Я выруливал на «Победе» из своего переулка к Никитским Воротам. На углу находился «стакан» (стеклянная милицейская будка) с инспектором Селидренниковым, который всякий раз выбегал мне наперерез и останавливал машину.

– Ширванг, б..., всё! Отъездился! Снимай номера.

– Тебе надо – ты и снимай.

– Щас! Чем я тебе их отверну? Х...ем?

– Если он у тебя 10×12 – отвернёшь.

Но снять эти номера было физически невозможно: все

болты давно проржавели. Он каждый раз минут пять мучился, после чего отпускал меня. Но мистика в том, что лет через четыреста после этого я свою «Победу» тому самому Селидренникову и продал. Он на ней ездил ещё лет четыреста. Однажды на какой-то заправке за мной встаёт джип. Из него выходит престарелый, но крепкий мужик.

– Шо, – говорит, – не узнаёшь? Селидренников я. У меня теперь автосервис. Если шо, заезжай.

Из бардачка Александра Ширвиндта

Автомашина ГАЗ-20 («Победа») представляла собой огромный ржавый сугроб в любое время года... Заводился мой сугроб зимой уникальным способом. Скатертный переулочек имеет незначительный уклон в сторону Мерзляковского переулка. Задача состояла в том, чтобы столкнуть сугроб по наклону и завести его с ходу. Но сдвинуть его было невозможно даже буксиром, и если бы я жил в другом месте, то, конечно, не смог бы пользоваться этим транспортным средством в зимний период. Но я жил в доме 5а по Скатертному переулку, а в доме 4 (напротив) помещался в те годы Комитет по делам физкультуры и спорта. По каким делам он там помещался, для меня было загадкой, но около него всегда стояла кучка (или стайка, не знаю, как грамотнее) выдающихся советских спортсменов в ожидании высылки на очередные сборы. О допингах у нас в стране тогда ещё не знали, и чемпионы были грустными и вялыми. Рекордсмены любили меня и от безвыходности реагировали на мои шутки, которые я

бросал им через переулок. Впрягались они в сугроб охотно и дружно, и у устья Скатертного переулка тот уже пыхтел, изображая из себя автомобиль. Тут, конечно, очень важно было, чтобы у подъезда стояли не Таль со Смысловым, а нечто более внушительное...

«Победа» прошла, наверное, 850 тысяч километров. Живого места на ней не оставалось. Но она продолжала верно служить. А когда она, извиняясь, отказала в езде и я понял, что пришло время её продавать, я призвал опытного друга-гаишника, который тогда руководил конторой по скручиванию километража со спидометров старых автомобилей. Он без анестезии скрутил с моей ржавой подруги почти весь километраж, и я нахально продал её как девственницу...

Александр Ширвиндт, «Склероз, рассеянный по жизни» и «Опережая некролог» («КоЛибри», «Азбука-Аттикус», 2014 и 2020)

А.Ш.: Вываливаясь из ресторана ВТО (Всероссийского театрального общества) на улицу Горького (ныне Тверская), наша компания садилась в мою ржавую «Победу». Из «стакана» всегда выбегал какой-нибудь дежуривший постовой, который только и ждал, когда пьяная актёрская банда полезет в машину. Но мы нашли способ избежать наказания. Наш друг-скульптор лепил вождей. В его мастерскую в огромном подвале на Таганке страшно было заходить. Идёшь – кругом Ленин, Ленин, Дзержинский, Дзержинский, опять Ленин, Ленин... Он лепил их по заказам разных городов. И у него был

бракованный бюст Хрущёва – с отбитым носом. Мои друзья после ресторана набивались на заднее сиденье, а на переднем, рядом с водителем, то есть со мной, стоял этот бюст. Машина трогалась с места, постовой, выбежав из будки, махал полосатой палкой, я резко тормозил около него, и бюст падал вперёд.

– Ты понимаешь, что ты наделал? – спрашивал я гаишника, водружая Хрущёва на место и показывая на отбитый нос. – Наш скульптор везёт заказ в Кремль!

Испуганный милиционер, не задавая никаких вопросов, отпускал нас.

Из бардачка Александра Ширвиндта

После актёрского застолья нужно было развозить коллег по местам временного или постоянного проживания. В середине 1960-х годов у богемы для этого развоза имелся один аппарат – моя усталая «Победа», как сейчас помню, с номерным знаком ЭВ 44–51. С бензином всегда была напряжёнka, и кончался он в самых неожиданных местах и ситуациях. Помню, морозной январской ночью моё транспортное средство, полное пьяных коллег, пересекало Арбатскую площадь (тогда она ещё была площадью, а не витиеватыми подземными переходами) и из-за отсутствия горючего заглохло прямо около нашего Пентагона. Положение безвыходное. И вдруг мы увидели, что около Генштаба стоит чёрная «Волга» с военными номерами и за рулём маячит солдатик. Наиболее узнаваемые в народе

Козаков и Миронов, выхватив из багажника канистру и обрубок шланга, во главе со мной бросились к этой военной технике. Подбежав, мы с ужасом обнаружили, что рядом с водителем сидит генерал. Сунув генералу лицо Миронова, мы слёзно попросили его дать нам возможность отсосать пару литров бензина из его бака, дабы добраться до колонки. Андрюша, чтобы лучше быть понятым, стал во фронт и громко сказал: «Товарищ генерал, разрешите отсосать?» Генерал внимательно посмотрел на знакомое лицо и мрачно ответил: «Отсасывайте. Только осторожно. Бензин – этилированный». Для непосвящённых: на таком бензине ходила военная техника, это был чистейший яд. Если при отсасывании он неожиданно попадал в пищевод, то с актёрской карьерой можно было завязывать. Грамотно отсосав в свою канистру пару литров и не пригубив ни грамма, мы поблагодарили генерала и умчались в ночь.

Александр Ширвиндт, «Опережая некролог» («КоЛибри», «Азбука-Аттикус», 2020)

А.Ш.: Иногда приходилось ездить и по делу. Об одной такой поездке – с Севой Ларионовым и Львом Лосевым – я однажды писал.

Из бардачка Александра Ширвиндта

Помню (действительно вспомнил), как в 1960-е годы мы (мы – это я и два моих ныне покойных друга-сослуживца по Театру имени Ленинского комсомола: Всеволод Ларионов и Лев Лосев) провели ночь с 31

декабря на 1 января. Костлявая рука голода гнала нас в половине первого ночи в город Наро-Фоминск, где в закрытом (в прямом и переносном смысле) бункере должен был начаться в два часа новогодний шабаш – предтеча нынешних корпоративов.

Снег шёл бесконечный, большими хлопьями, как в дорогом детском спектакле, и мы на моём ржавом транспортном средстве по кличке «Победа», или ГАЗ-20, пробивались по Киевскому шоссе к источнику благосостояния.

Ни ночного автомобильного движения, ни указателей в тот каменный век ещё не было, и ехать приходилось на ощупь с точным предупреждением, что Наро-Фоминск – это где-то километрах в восьмидесяти от столицы.

Через час езды мы стали сомневаться в верности выбранного нами пути в конкретном и философском смыслах. И вдруг метрах в двадцати пяти от обочины мелькнул огромный транспарант. Остановились, бросились, утопая в снегу по колено (а то и повыше – не знаю, как интеллигентно назвать это место), к указателю, дошкандыбали до подножия, а транспарант оказался на каких-то сваях, очень высоко и в темноте. Я мужественно доплыл обратно до шоссе, развернул транспортное средство фарами к транспаранту, и мы с умилением прочли: «Вперёд, к победе коммунизма!» Ура! Мы едем в Наро-Фоминск! Александр Ширвиндт, *«В промежутках между»* («КоЛибри», «Азбука-Аттикус», 2017)

Н.Б.: Я вспомнила одну историю, связанную с прекрасным актёром Всеволодом Ларионовым, сыгравшим в фильме «Пятнадцатилетний капитан». У него были жена Галина, тоже актриса Театра имени Ленинского комсомола, и дочка Катя.

Как-то утром дочка одевается, мама смотрит на неё и говорит:

– Катя, ну как ты оделась? На тебе розовый лифчик и голубые трусики.

– Я иду в институт, потом вернусь домой, раздеваться нигде не буду, никто меня не увидит, – возражает та.

– А вдруг ты попадёшь под трамвай!

А.Ш.: Весёленькая история. Главное – тоже про транспорт.

Н.Б.: Если вспоминать «Победу», то надо сказать, что она была старой и всё время ломалась. Шуре приходилось её постоянно чинить. Когда родился Миша, мы год жили у моих родителей, и их замечательная домработница, родом с Волги, которая говорила, окая, однажды восхитилась:

– Вот ведь как хОрОшО! Шура и не гуляет-то, всё под машинОй лежит!

Из бардачка Александра Ширвиндта

Покупались в то время только подержанные машины. У «Победы» была фирменная болезнь: постоянно летела полуось – штырь в заднем мосту, за который цепляли колёса. Конец полуоси был слабым местом,

обламывался. Когда это случалось, машину ставили на доску, то есть вместо колеса – доска, и на трех колёсах она ползла в сторону таксопарка, где её ремонтировали. Сейчас кругом станции техобслуживания. А тогда ремонтировали в таксопарках. Они находились под мостами, а рядом стояли стекляшки – чебуречные. Неважно, с какой поломкой приехал, – тариф одинаковый. Лампочку сменить – пол-литра и два чебурека, задний мост – пол-литра и два чебурека. Но лампочку легко вынести из таксопарка: положил в карман – и иди. А как полуось вынести? Объясняю: полуось вставлялась в штанину, и работник таксопарка, как Зямочка Гердт, шёл на несгибаемой ноге.

Если машину по блату загоняли прямо в таксопарк, чтобы что-то отремонтировать, то там застолье уже было совместным – клиента со слесарем.

Дальше ты выезжаешь на украденной новой полуоси и думаешь: «Ну слава богу!» В это время отказывает электрика. Пытаешься сначала сам найти искру: идёшь от аккумулятора ко всем датчикам и предохранителям, от них – к приборам и фарам. Когда понимаешь, что не получится, опять покупаешь чебуреки и пол-литра и едешь в таксопарк, где мужики сразу тебе говорят: «Ну что ты, б..., не видишь? Это же, б..., замкнуло эту х...ню. Видишь?» Размыкают. Опять весь пропахший чебуреком выезжаешь. И так бесконечно. Если отказывает то, что знаешь, это счастье.

Александр Ширвиндт, «В промежутках между» и «Отрывки из обрывков»

Н.Б.: Зяма Гердт говорил: «Что такое настоящий друг? Если у меня в 5 утра где-нибудь за городом спустит колесо, я позвоню Шуре. Он примчится и поможет».

А.Ш.: Я в основном чистил карбюраторы, латал текущие радиаторы и замазывал пробитые бездорожьем бензобаки.

Из бардачка Александра Ширвиндта

В свое время я был специалистом по карбюраторам. В кругу интеллигенции слыл очень опытным, чинил их всем. А потом появились первые робкие возможности у отдельных граждан купить какую-нибудь списанную иномарку. Один мой друг, используя свои связи с дипкорпусом, приобрёл себе «форд». Все мы пришли посмотреть на это чудо. «Форд» проездил несколько дней и встал. Начались муки с его восстановлением. Запчастей для него, естественно, было не достать. Дошло до того, что машину, опять же благодаря каким-то диким связям, перевезли на ЗИЛ. И местные умельцы, которые собирали правительственные автомобили, взялись вытачивать своими руками некую деталь для автоматической коробки передач. И «форд» с этой деталью поехал!

Проехал он километров десять – и накрылся карбюратор. Ну тут уже ко мне. Помню как сейчас: огромный двухкамерный карбюратор. Обычно-то я разбираю «Победу», «Москвич», немножко «Волгу» – это я делал буквально с закрытыми глазами. А тут – карбюратор сам размером с «Победу». Но я взялся. Разобрал его – а там миллиард деталей, винтиков,

жиклёров. Я в панике: ну всё! Запомнить, что, как и где стояло, нереально. Но я его собрал. Правда, осталась гора лишнего. Разбирал я его на простыне, чтобы ничего не потерять, и под конец сложил за края эту простыню примерно с двумя килограммами железа. Но «форд» завёлся! И друг смог отъехать от моего дома. И даже метров двадцать проехал. И тут иномарка встала навсегда.

Александр Ширвиндт, «Склероз, рассеянный по жизни»

А.Ш.: Раньше, когда масло текло из всех машин, отъезжая, смотрели размер лужи на асфальте: имеет смысл доливать или так можно ехать.

Видеорегистратор

YouTube-«Гараж-2021»

Александр Ширвиндт: Какие ингредиенты необходимы для ремонта машины? Я насчитал четыре. Первый – сухая горчица, которая раньше засыпалась в радиатор, если он потёк, и заваривала лучше любой сварки. Правда, почти не было охлаждения, но не текло. Дальше – это, конечно, эпоксидка и хозяйственное мыло (заделывать дыры). Эпоксидка оставалась на пальцах – ни отколупать, ни отмыть. И основное – это проволока: глушитель привинтить или задний мост.

Михаил Ширвиндт: Когда я был молодым и у нас потёк суппорт... Сейчас никто этого не поймет. Суппорт – элемент тормозной системы. Потёк, ехать нельзя. И мы с моим товарищем, великим архитектором

современности Павлом Андреевым, поняв, что нужна резинка, пошли в аптеку. Это было время, когда попросить в аптеке презерватив считалось неудобным. Но если ты просишь его вместо суппорта, никакого стеснения! Мы заходим с грязными руками и, тыча ими в прилавок, говорим: «Нам вот таких презервативов штук восемь. А это что?» – «Женские». – «Их ещё штук шесть». В общем, мы взяли порядка 30 презервативов. На нас смотрели с таким уважением!

*«Гараж-2021», YouTube-канал «Съедобное – Несъедобное»,
дата выхода: 31 декабря 2020*

М.Ш.: В эпоху дефицита сфера обслуживания и все её представители – продавцы, автослесари, заправщицы – были неприкасаемы. Перед ними заискивали, с ними старались подружиться, и они милостиво принимали всеобщее поклонение.

Из бардачка Александра Ширвиндта

Если в те времена удавалось достать какой-то автомобиль, то проблемой всегда были бензин и резина. Бензин, правда, можно было купить ночью у знакомой заправщицы при помощи узнаваемости актёрского лица. У меня была такая заправщица – Соня, на колонке, которая до сих пор стоит, только модернизированная: на углу Новодевичьей набережной, около Новодевичьего монастыря. Нужно было подъехать туда, когда Соня менялась с другой заправщицей, которая не любила моего узнаваемого лица. Во время пересменки они отчитывались степенью

недолива за свою смену, и, когда одна уходила, а другая заступала, нужно было успеть вклинить и залить немножко бензина, потому что в этот момент не заправляли никакие машины, даже правительственные.

Вторая проблема – резина. Резина имеет свойство стираться. Если ездить на лысой резине, то, во-первых, это очень опасно, а во-вторых, нельзя пройти техосмотр. Когда протектора не было, а вместо него была только лысина, то это означало – снимай номера. Новая резина нигде не продавалась. Поэтому открывалось огромное количество контор по навариванию резины. Резину наваривали на лысину старой резины. Получалась прилепленная шапка из протектора. Но во время езды она обычно отклеивалась, и на проезжей части оставался длинный ошметок. А ты ехал дальше на по-прежнему лысой резине. Тогда умельцы придумали наваривание заподлицо. То есть это была не нашлапка на лысину, а наваренная резина, которая сходила на нет по боковине покрышки и держалась дольше. Но эта резина очень плохо входила в диск, рассчитанный на заводскую резину, потому что наваренная была в два раза толще. При помощи кувалд, мата и пьяных криков всё-таки удавалось воткнуть это чудовище в диск, только невозможно было сбалансировать колесо. И когда ты ехал (а я ездил на «Победе» на двух задних наваренных колёсах), то возникало ощущение, что едешь по стиральной доске огромных размеров. Это всё – способы выживания в

застойный период.

Александр Ширвиндт, «Опережая некролог»

В феврале месяце актёрская бригада Театра имени Ленинского комсомола вызвалась поехать в Кустанайскую область обслуживать целинников. Такой заявки не ожидали даже обезумевшие от призывов «Все на целину!» работники ЦК ВЛКСМ и мягко намекнули нашему предводителю (профсоюзную организацию театра в те годы возглавлял Борис Фёдорович Ульянов – человек безграничного патриотизма и наивной, но всепоглощающей тщеславности), что порыв сам по себе прекрасен, однако возможны неожиданности, поскольку в феврале там выюга, снег, минус 30–40 °С и не пашут, а сидят в землянках и бараках и пытаются согреться чем бог послал. БФ, как его звали в кулуарах театра, был неумолим, и мы полетели в Кустанай.

Не буду подробно описывать гастрольный маршрут, скажу только, что два раза при перелётах мы были на краю гибели, а один раз, разминувшись со встречавшими нас тракторами, стали замерзать посреди степи. Газик, в котором коченел я, был населён тихо поскуливавшей актрисой Ириной Костровой, тенором Владимиром Трощинским, завернутым с ног до головы в огромный шарф и все время проверявшим голос, как будто он надеялся, что на том свете ему придётся петь «Ландыши» – пик его гастрольного репертуара. И был ещё водитель Лёша – рыжий гигант, комсомолец в драном меховом полушубке на голой

рыжей волосатой груди. Матерился он мало, старался казаться спокойным, но, когда бензин кончился (а двигатель работал, чтобы не замерзла вода в радиаторе, и что-то типа теплого воздуха дуло в «салон»), он выполз на снег, спустил воду из радиатора, влез обратно и сказал: «Всё! П...дец!» Кострова зарыдала, Трощинский перестал петь «Ландыши», а я тихо спросил Лёшу, можно ли как-нибудь устроить мне комплект резины для «Победы», так как комбайны тех лет ходили на победовских колёсах, а комбайнов этих в замёрзшей степи стояло столько, сколько, очевидно, было подбитых танков после битвы на Курской дуге. Лёша внимательно посмотрел на меня, проверяя, не поехал ли я умом перед смертью, и сказал: «Александр! Клянусь тебе! Если случайно выживем, будешь иметь колёса».

Мы случайно выжили – на нас буквально натолкнулись два поисковых трактора, доволокли нас до Кустаная, где мы были встречены как папанинцы... Через полтора месяца я получил на Казанском вокзале маленький контейнер с пятью крышками от самоходных комбайнов и ласковым письмом от Лёши с благодарностью за оптимизм и жизнелюбие.

Александр Ширвиндт, «Склероз, рассеянный по жизни»

А.Ш.: Когда мы продавали нашу «Победу», то общий эмоциональный накал был настолько силён, что Миша поцеловал на прощание руль.

Из бардачка Михаила Ширвиндта

Я очень любил нашу «Победу». Я с ней (вернее, в ней) рос. Только я молодел, а она старела. Старела, ржавела, подгнивала и не заводилась...

Вообще, в отличие от зарубежных автомобилей, у отечественных была душа. Они капризничали, надуманно ломались, злорадно ржавели или вдруг вытаскивали себя (вместе с тобой) из непроходимого болота. Всё зависело от их настроения. Поэтому над машинами тряслись, с ними заигрывали, иногда, правда, ссорились, но главное – относились к ним, как к живому организму. Это не унылая иномарка: сел, поехал – и всё! Никакой лирики.

Михаил Ширвиндт, «Мемуары двоечника»

Из бардачка Александра Ширвиндта

Лет двадцать назад журнал «За рулём» организовал автопробег от Горьковского автозавода до Москвы. И меня позвали как бывшего владельца «Победы». В финале мне предложили около университета прокатиться. Машине, очевидно, лет пятьдесят, а у неё всё родное. Хозяин – шикарный мужик, умелец. Я сел, он рядом. Ничего не видно. Сзади – малюсенькое окошко. Руль повернуть не могу. Спрашиваю: «Заблокирован?» Оказалось, нет. Просто руки забыли, как тогда крутили руль без гидравлики. Как же я раньше пьяный, ещё с десятью артистами, на такой же «Победе» во Внуково ночью мотался? Вот что значит привыкаемость и отвыкаемость.

Александр Ширвиндт, «Склероз, рассеянный по жизни»

«С экрана папахивало настоящим»

М.Ш.: Давайте вспомним, у кого из известных актёров в советские времена были иномарки – Высоцкий, Никулин, Миронов...

А.Ш.: Ещё у знаменитого артиста балета Мариса Лиепы машина была в виде стеклянной капсулы. Останавливался город, когда он проезжал. Ничего – от носков до машины – не могло у него быть хуже, чем у кого-то. На телевидении мы вместе гримировались для участия в бенефисе Людмилы Гурченко. Меня чем-то мазали, Армена Джигарханяна тоже чем-то, а у Лиепы был собственный несессер от «Диора» со своими кисточками и пудрой.

Из бардачка Александра Ширвиндта

Когда мы проникали в поселения туземцев, пытаясь втянуть их в систему коммунизма, то кроме бесплатного строительства в джунглях атомных электростанций засылали (тоже бесплатно, как для местных племён, так и для гастролёров) бригады артистов, в основном цирка и Центрального театра кукол, ибо гениальный Зяпочка Гердт в течение месяца мог переложить текст конференсье из «Необыкновенного концерта» на любой язык Вселенной. У племён электричества ещё не было, но списанные со всех трасс «мерседесы» уже были. Около каждой хижины стоял автомобиль. Один из них в

качестве проявления зрительской любви аборигенов однажды преподнесли Юрию Никулину. Он прошёл, наверное, миллионы километров и ездил на дизельном топливе. Его Никулину наливали прямо в салон из асфальтовых катков (так как на колонках такого топлива не было в помине, а если бы и было, то за него надо было что-то платить, а водители катков считали за честь залить любимого клоуна дизельной жижей), и машина ездил, изрыгая чёрный дым.

У московской богемы были иномарки: «Мерседес-200» Никулина – папуасский, серый BMW Андрюши Миронова – правдами и неправдами, связями и интригами купленный в УпДК, Управлении по обслуживанию дипломатического корпуса, и вполне свежий «мерседес» Володи Высоцкого. Когда однажды по пути в Театр на Таганке Володя забросил меня домой, весь двор сбежался смотреть – не на Высоцкого (тоже мне невидаль!), а на машину.

Александр Ширвиндт, «Опережая некролог» и «Склероз, рассеянный по жизни»

М.Ш.: Помню, как Владимир Высоцкий где-то под Ленинградом стоял и разговаривал с моими родителями. Мне тогда было лет двенадцать, и я слушал разговор взрослых не потому, что говорил Высоцкий, а потому, что меня заинтересовала история. Он сказал, что доехал из Москвы за пять часов. Думаю: ни фиги себе! Видимо, примерно такая же эмоция была и у моего папы.

– Я шёл 160, – продолжил Высоцкий. – Где-то под Нов-

городом меня тормознули гаишники. Подбегают (уже давно пасли мою машину) и тут узнают меня. Я говорю им: «Что вы наделали?!» – «А что?» – «Я же только разогнался – мне надо было развить скорость, чтобы взлететь!»

Они опешили, извинились ипустили его.

А.Ш.: У Высоцкого была – жуткое слово – харизма. Я раньше не мог понять, что это такое. Теперь понимаю: вот у него харизма. Если Визбор обволакивал, то Высоцкий был танком. Мы друг друга раздражали. Конечно, меня раздражало, что он быстрее меня доезжал до Ленинграда. Этот его рассказ, как он домчался, я помню. Его раздражало другое. Мы абсолютно разные животные. Говоря сегодняшним языком, он был совершенно антитусовочным. Я же занимался капустниками: по молодости мы во всех так называемых домах интеллигенции (Доме актёра, Доме журналиста, Центральном доме работников искусств...), гуляя, пия и шутя, обслуживали богему, что тогда было значительно симпатичнее и уже, чем теперь, тем не менее всё это истоки сегодняшних тусовок. Однажды в Доме кино на каком-то большом празднике все, и мы в том числе, по поводу чего-то с бешеным успехом шутили. А за кулисами стоял и ждал своего выхода Владимир Семёнович, которого туда всё-таки заманили. Когда я, отшутив, ушёл за кулисы, он мне говорит: «Слушай, Шурка, а тебе не осто...ла эта смелость для узкого круга?» После чего вышел и спел свою новую песню. Величие Высоцкого в том, что он никогда не опускался до ощущения

кухни. На кухнях его слушали, а существовал он во вселенском масштабе. По своему темпераменту, гражданственности и таланту он не мог замыкаться в кухне и домах интеллигенции.

М.Ш.: Я помню, как в дни прощания с Высоцким я ехал на такси. И старый таксист сказал: «Таких похорон Россия не видела со времён смерти Есенина». Потом подумал и добавил: «И больше не увидит».

А.Ш.: А с Юрием Владимировичем Никулиным мы общались последний раз примерно за месяц до его смерти. Гриша Горин написал для нас с Державиным пьесу, и мы в Театре сатиры выпускали спектакль «Счастливец-Несчастливец». Мы играли двух актёров и во втором акте на какой-то халтуре должны были выезжать на театральных лошадках. Когда-то это был известный цирковой номер совсем ещё молодых Юрия Никулина и Михаила Шуйдина. Для нашего спектакля никто не мог сделать этих лошадок. Бутафоры не знали, как. Я – к Юре.

– Секрет утерян, – говорит он.

– А где делали?

– В мастерских Театра Станиславского и Немировича-Данченко. Мастера умерли, лошадок продали. Могу тебе только плёночку показать и нарисовать каркастик.

Поговорили, и он пропал. Думаю: забыл. И вдруг в театр приходит кассета с запиской: «Дорогой Шура, вот – к премьере. Дарю тебе эту клоунаду. Приду на спектакль». И даль-

ше его рукой нарисован проволочный скелет этих несчастных лошадок. При его огромной нагрузке он всё помнил.

Н.Б.: Некоторые выпуски программы Никулина «Клуб “Белый попугай”» снимались недалеко от нашей дачи, на берегу Истры, и Шура несколько раз в них участвовал.

А.Ш.: Когда начиналась вся эта история с «Белым попугаем», на телевидении ещё нельзя было ничего настоящего: ни еды, ни выпивки. Это были первые попытки на съёмках программы пить водку под уху. И с экрана пахло настоящим. Там царствовали Юра Никулин и Гриша Горин.

Гриша шепелявил и очень стеснялся своей шепелявости. Обижался, когда ему на это указывали.

Я ему говорил:

– Гриша, ну зачем же ты в текстах для себя пишешь «с Сосковцом»?

Он звонил Мишке Державину:

– Мисань, привет!

– Здорово, Гриш!

– А как ты меня узнал?

Я торчал на «Белом попугае», напившись и наевшись ухи, курил и делал вид. Потому что анекдотов я не помню. Юра сидел рядом, тихонько спрашивал:

– Ты чего не рассказываешь?

– Ничего не помню.

И пока другие говорили, он наклонялся ко мне и шептал на ухо анекдот.

Тогда я подключался:

– Вот тут я вспомнил...

Он суфлировал мне.

Уникальность Юрия Владимировича, помимо всего прочего, – в титаническом серьёзе при рассказывании анекдотов и во время розыгрышей. Серьёз не деланный, а органичный. Как-то перед съёмкой очередного «Попугая» он говорит Державину:

– Миш, слушай, тут анекдот один, я хочу с тобой посоветоваться. Что-то он не очень, по-моему. Жена посылает мужа купить батон. Тот покупает и, возвращаясь, около дома падает. Батон оказывается в луже. Он приходит домой, протягивает его жене. Она недовольна: «Я же просила белый хлеб». Он говорит: «А я люблю черный». Ну как?

– Да так себе.

– Я тоже чувствую, что не очень. А вот если такой? В купе поезда сидит мужик, курит сигару, а напротив – дама с маленькой собачонкой. Дама обращается к нему: «Умоляю, собака не выносит табачного дыма вообще, а сигарного особенно». Тот продолжает курить. «Я вас прошу – перестаньте!» Никакой реакции. Она выхватывает сигару и швыряет в окно. Мужик хватается за собачонку и тоже выбрасывает в окно. Крик, шум, гам, стоп-кран. Все высовываются: бежит по перрону собачка, а во рту у неё батон из первого анекдота.

Это он советовался с Мишкой, рассказывать или нет.

М.Ш.: В гаражах всегда рассказывали анекдоты. И в на-

шем YouTube-«Гараже» мы тоже иногда их вспоминаем.

Видеорегиcтpатор

YouTube-«Гараж-2023»

Игорь Золотовицкий: У меня анекдот в анекдоте. Актёру Виталику Хаеву я в театре рассказываю анекдот. Сидит актриса, смотрит в зеркало и гримируется перед новогодним спектаклем. Настроение не очень, она хочет поднять его себе и поёт: «"Маленькой ёлочке холодно зимой. Из лесу ёлочку взяли мы домой... Бусы повесили, стали в хоровод. Весело, весело..." Сколько же я весила в прошлом году?» Виталик смеётся. Проходит несколько часов, я уже дома, полночь. Вдруг – звонок. Хаев. «Какую песню ты пел в анекдоте?» – спрашивает. «А в чём дело?» – «Я уже час пою "В лесу родилась ёлочка". Где там "весело, весело"?» Он сидел в какой-то компании и сказал: «Золотовицкий рассказал очень смешной анекдот. Гримируется актриса...» И начал петь. А там до фи́га куплетов. «Виталик, – говорю, – что ты поешь? Это совершенно разные песни: "В лесу родилась ёлочка" и "Маленькой ёлочке холодно зимой"».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.